

Дитя Дряхулы

Джонатан
Барнс

Иллюстрации Виталия Еклериса

18+

The Big Book

Джонатан Барнс

Дитя Дракулы

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Барнс Д.

Дитя Дракулы / Д. Барнс — «Азбука-Аттикус», 2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-23183-2

Больше десяти лет назад Джонатан и Мина Харкер победили в Трансильвании графа Дракулу и вернулись в Англию, чтобы зажить нормальной жизнью. Но в мире кровавой вражды и предрассудков даже у мертвых врагов долгая память. Встреча старых друзей оборачивается внезапной трагедией, бесстрашный натуралист привозит с континента в Англию летучую мышь новой породы, двое случайно встретившихся в восточноевропейской глубинке английских джентльменов будто бы ненароком пробуждают древнее зло – и вот уже тьма наползает на британский архипелаг. А в странном недомогании молодой невесты лорда Годалминга Мина Харкер видит что-то пугающе знакомое... «Шедевр современной готики. История настолько увлекательная, будто ее написал сам Брэм Стокер» (Risingshadow).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23183-2

© Барнс Д., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Предисловие составителя	7
Пролог	8
Часть I	15
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джонатан Барнс

Дитя Дракулы

J. S. Barnes

DRACULA'S CHILD

Copyright © 2020 by Jonathan Barnes

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© М. В. Куренная, перевод, примечания, 2023

© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Смелое, изобретательное, полное энергии и сюрпризов продолжение неувядающей классики.

Times Literary Supplement

По стилю, сюжету и психологии персонажей «Дитя Дракулы» – подлинный наследник классического шедевра Брэма Стокера.

New York Journal of Books

Эпическая история безумия, нечеловеческого искушения и политических скандалов. Действие происходит более века назад – но как будто сегодня.

Booklist

Незаурядное продолжение вампирской классики.

The Frumious Consortium

Бережная дань памяти наследию Стокера, обязательное чтение для всех поклонников Дракулы.

Den of Geek

В романе Стокера читателей покорила сверхъестественная атмосфера и мастерское нагнетание напряжения. Барнс же умудряется как минимум все это не растерять и даже дополнить.

Jessicamap Reviews

Шедевр современной готики. История настолько увлекательная, будто ее написал сам Брэм Стокер.

Risingshadow

Выдающееся продолжение бессмертной во всех смыслах классики, не менее чувственное, атмосферное и ужасающее.

Horror Tree

* * *

Посвящается Хизер

*Месть моя только начинается! И будет продолжаться многие
века, время работает на меня¹.*

Граф Дракула

¹ Роман Брэма Стокера «Дракула» (1897) цитируется в переводе Т. Красавченко.

Предисловие составителя

Первые двенадцать лет своей жизни я пребывал в практически полном неведении относительно событий, непосредственно предшествовавших моему рождению. Хотя детство мое было преимущественно счастливым, над ним постоянно витала гигантская незримая тень некоего прошлого, детали и подробности которого от меня тщательно скрывались.

Нижеследующие документальные свидетельства ясно отражают болезненный процесс установления правды и воссоздают поистине кошмарную историю, которую многие мои близкие долго считали навек погребенной в прошлом. Вероятно, скептики скажут, что иные из странных событий и фактов, описанных в данном собрании дневниковых записей, газетных вырезок, телеграмм и писем, противоречат научному знанию двадцатого века.

Вы можете также задаться вопросом, почему вдруг я решил, что именно сейчас, спустя десять с лишним лет, самое время подготовить эти материалы к публикации. Пока достаточно будет сказать, что с недавних пор я, вопреки всякой надежде и здравому смыслу, все сильнее убеждаюсь: призрак, столь долго преследовавший мою семью, в том или ином обличье обретается среди нас и сейчас, когда вся Европа вопиет от боли и горя.

Лейтенант Квинси Харкер

Дувр. 13 октября 1914 г.

Пролог

Дневник Мины Харкер

6 ноября 1903 г. Много лет минуло с тех пор, как у меня в последний раз возникло желание поднести перо к странице этого скромного дневника. Отчасти такое небрежение объясняется эйфорическим счастьем, неотступно владевшим мною все годы, пока наша маленькая семья – Джонатан, Квинси и я – росла и процветала. Хлопотные обязанности жены и матери естественным образом препятствовали мне писать каждый день.

Однако есть и другая, более основательная причина моего долгого молчания: само ведение дневника стало у меня связываться исключительно с трагическими событиями, постигшими нас десять с лишним лет назад, – страшными событиями, что забрали у нас наших дорогих друзей, Люси Вестенра и отважного американца, в честь которого назван наш сын, и свели нас с безжалостным существом, чье имя я никогда не упомяну здесь.

Очень долго я гнала прочь всякие воспоминания о тех ужасных месяцах. Я знаю, Джонатан полностью разделяет мои чувства, хотя мы с ним редко говорим об этом – по крайней мере с тех пор, как наш сын вышел из младенчества. Очень долго мы предпочитали жить только настоящим и смотреть в будущее, говорить о солнечном лете, а не о суровой зиме.

Однако так же, как нельзя остановить поступь времен года, нельзя и навсегда сохранить в тайне нашу историю. Боюсь, вернуться к дневнику меня заставила трагедия – трагедия, случившаяся всего пару часов назад, в самом конце вечера, который должен был ознаменоваться лишь всеобщим хорошим настроением: щедрым весельем и тихой радостью. Печальный смысл моих слов станет понятен в самом скором времени.

День наш начался наиприятнейшим образом. Поскольку нынче день рождения Квинси, мы с самого утра осыпали его всевозможными знаками любви и нежности. Хотя наш мальчик вступает в трудный возраст между детством и зрелостью, все же он пока еще достаточно юн, чтобы наслаждаться подобным вниманием к своей персоне. Наше счастье, что сейчас короткие осенние каникулы и он с нами. Я грущу о нашей с ним скорой разлуке, а Джонатан (без особой убежденности, впрочем) упрекает меня в излишней чувствительности.

Ближе к вечеру мы трое отправились на долгую извилистую прогулку по окрестностям деревни², ставшей нашим домом. Мы с Джонатаном радовались возможности подышать свежим воздухом и размять ноги, а Квинси, необычный во всех своих проявлениях и ко всему чуткий, казалось, был вдохновлен красотами пейзажа, известная дикость которого находит отзыв в его пылкой душе, унаследованной, вне сомнения, от родителей. При всей нашей внешней респектабельности в нас живет богемный дух, отличающий нас от большинства наших друзей и знакомых.

Мы шли тенистыми тропами, пересекали журчащие ручьи, огибали фермерские поля и неспешно проходили через рощицы и остатки старого леса. Возвращались мы в деревню другой дорогой, пролежавшей мимо места, где накануне наши односельчане отмечали ночь Гая Фокса. Мы к ним не присоединились: у Джонатана слабые нервы, и шумное веселье, рев и треск пламени, да и сам почти языческий обряд сжигания чучела очень тяжело на него действуют. На первых порах нашего супружества в подобной обстановке он делался совсем плохой (здесь, в своем дневнике, я могу признать это, все равно ведь никто никогда не прочтает), но в последние годы его душевное состояние медленно, но верно поправляется.

² Шор-Грин, Оксфордшир.

Полагаю, Квинси ночное представление понравилось бы. Сама я ничего не имею против такого рода невинных развлечений, и, боюсь, из-за постоянных отказов в них участвовать мы выглядим в глазах окружающих высокомерными снобами. Однако ради моего мужа мы продолжаем отклонять подобные приглашения.

Пока мы шагали мимо громадного черного кострища, ни словом не помянув вчерашнее празднество, Джонатан с преувеличенным вниманием вгляделся в даль и обронил замечание по поводу стайки скворцов – мол, летят как-то необычно. Квинси подыграл отцу, любезно изобразив интерес к орнитологическим вопросам, а я помалкивала и думала о том, как здорово было бы вчера смешаться с праздничной толпой и разделить общее ликование и веселье.

По возвращении домой мы вручили Квинси подарки – томик стихотворений мистера Лира³, новый темно-голубой костюм и (уступив наконец многократным просьбам) маленького рыжего котенка, вызвавшего у него неподдельный восторг.

Он назвал нового питомца – непонятно с чего – Огюстом и незамедлительно принялся воспитывать из него верного друга. При виде радостного оживления Квинси, совершенно для него нехарактерного, мы с Джонатаном довольно переглянулись. Несколько секунд мы многозначительно смотрели в глаза друг другу, и я даже почувствовала – впервые за долгое время – внезапный прилив желания. Муж улыбнулся, словно поняв или, по крайней мере, заподозрив, о чем я думаю. Сейчас, когда наш сын возился с Огюстом, а в нас с Джонатаном вновь пробуждалось взаимное влечение, казалось, будто все у нас еще может быть хорошо, будто такое вот благодатное спокойствие может продолжаться вечно.

Пока я предавалась подобным мыслям, пока Квинси гладил крохотную уязвимую головку котенка, а Джонатан и я с полусонным вождением смотрели друг на друга, за окнами начало темнеть. Сгустились вечерние тени.

Первый из приглашенных прибыл с наступлением сумерек – наш славный Джек Сьюворт, все такой же образцовый джентльмен, каким был всегда, разве что он несколько располнел и обзавелся густой сединой на висках за время, прошедшее с нашего знакомства в прошлом веке, когда Квинси еще и в проекте не было.

– Моя дорогая миссис Харкер! – торопливо, чуть сбивчиво заговорил он, входя в гостиную в сопровождении служанки. – Извините, бога ради, за раннее прибытие, я умудрился неправильно рассчитать время пути до вашего очаровательного местечка.

– Ну полно вам, право! – Я встала, чтобы поприветствовать гостя. – Добро пожаловать, мистер Сьюворт. Ваше прибытие, сколь угодно раннее или позднее, всегда повод для праздника.

– Но сегодня отнюдь не главный, полагаю. – Он вынул из-за спины небольшой сверток в красной бумаге. – С днем рождения, Квинси!

Наш сын вскочил на ноги. Еще недавно Джек шутиливо взъерошил бы мальчику волосы, но теперь они двое с комической серьезностью обменялись рукопожатием.

– Спасибо, сэр. Вы очень добры, что помните.

Квинси развернул сверток, в нем оказался экземпляр «Происхождения человека» мистера Дарвина⁴. Наш сын не по годам умен и серьезен, но сдается мне, штудировать подобные труды ему рановато.

– Уверен, ты найдешь книгу преинтересной, – заявил Джек. – В ней рассказывается о взаимосвязи всех форм жизни. Об эволюционных процессах. И о сущности хищничества.

³ Эдвард Лир (1812–1888) – английский художник и поэт, один из основоположников «поэзии бессмыслицы», автор многочисленных популярных абсурдистских лимериков.

⁴ Английский натуралист и путешественник Чарльз Дарвин (1809–1882) одним из первых пришел к выводу, что все виды живых организмов эволюционируют со временем и происходят от общих предков. Монографию «Происхождение человека и половой отбор» опубликовал в 1871 г.

Квинси еще раз вежливо поблагодарил его, но почти сразу отложил книгу в сторону и снова стал ласкать котенка, который мяукал и вился выюном от удовольствия.

– Предлагаю чего-нибудь выпить, Джек, – подал голос мой муж, и они двое принялись обсуждать различные вина, каковой разговор здесь пересказывать нет необходимости.

Джек далеко не всегда приятен и прост в общении, а потому я обрадовалась передышке. Джонатана любые светские обязанности изрядно тяготят, и при виде графина и бокалов на лице его явственно отразилось облегчение.

Мы, трое взрослых, каждый с бокалом вина в руке, несколько минут стояли, наблюдая за Квинси и котенком.

Джонатан, ставший более общительным под действием алкоголя, для поддержания беседы поинтересовался состоянием врачебной практики Джека, которую тот нынче держит на престижной и, надо полагать, весьма прибыльной Харли-стрит⁵.

– О, работа у меня небезынтересная, но довольно однообразная, – ответил доктор Сьюворт, прихлебывая вино такими же мелкими частыми глотками, как и мой муж. – Видите ли, в силу запредельной стоимости моих услуг все мои пациенты принадлежат к одному определенному общественному слою.

– Вероятно, вам приходится иметь дело с несносными богатыми истеричками? – сказал Джонатан проникновенным тоном, совсем ему не свойственным. – Взбалмошными графинями с растрепанными нервами? Пожилыми герцогами, которые желают подвергнуться гипнозу, чтобы вернуть себе хоть каплю былой энергии и силы?

Джек натянуто улыбнулся:

– Вы ближе к истине, чем думаете.

– Ах, бросьте, – вмешалась я. – Не скучаете же вы по дням своей работы в лечебнице для душевнобольных.

Доктор Сьюворт немного помолчал с отрешенным видом, потом опять улыбнулся.

– По известным трудностям того времени я, разумеется, ничуть не скучаю. Но вот по отдельным элементам прошлого – да, бывает, скучаю. – Он нахмурился, словно вспоминая. – По интереснейшим проблемам и задачам, встававшим передо мной. И еще, пожалуй, по внутренней убежденности, что жизнь человеческая имеет... смысл. – Он перевел взгляд на Квинси, по-прежнему поглощенного возней с котенком, и его лицо – несомненно, бессознательно – приняло выражение глубокой печали и сожаления.

Наступившее молчание прервал отрывистый стук в дверь, и мгновением позже служанка ввела в гостиную двоих следующих наших гостей, лорда Артура и леди Каролину Годамминг.

С их появлением атмосфера заметно разрядилась. Артур, как и подобает человеку с его положением и образованием, всегда излучает вежливое дружелюбие и вдобавок обладает редкой способностью успокаивать любые души – кроме разве что пораженных тяжелым недугом. Едва он вошел, в комнате вспыхнуло оживление: приветствия, поздравления, объятия, поцелуи. Все очень мило и непосредственно, даже Джонатан, казалось, проникся общим настроением.

Кэрри, обворожительная и изысканно одетая по последней моде, была воплощение изящества. Да, она преодолела все недостатки и изъяны своего воспитания и стала Артуру превосходной женой, лучшей и не пожелаешь. Бедная Люси порадовалась бы его выстраданному счастью. Мне нравится думать, что сейчас она смотрит с небес и улыбается, видя, что человек, которого она любила всем своим нежным юным сердцем, в зрелые годы обрел наконец полную меру радости.

⁵ Лондонская улица Харли-стрит получила известность в XIX в. благодаря множеству обосновавшихся там специалистов в различных областях медицины.

Несколько минут прошло в такой вот веселой суете. Джонатан опять налил всем выпить, и Квинси тоже получил небольшую порцию вина, сильно разбавленного водой. Зазвенели бокалы, все наперебой выражали радость от встречи, ведь мы так давно не виделись.

Возбужденный приятной кутерьмой, Огюст нервно крутился у нас под ногами. Мы были настолько поглощены моментом, что не замечали прибытия нашего последнего гостя, пока тот не переступил порог гостиной и не вскричал с шутливым гневом:

– Это еще что такое? Как вы посмели начать празднование без меня?

– Профессор! – воскликнула я, и остальные хором подхватили мой возглас.

По ряду причин, вдаваться в которые мне не хочется, рядом с профессором Абрахамом Ван Хелсингом я всегда чувствую себя в полной безопасности. Я, как девчонка, кинулась в его медвежьи объятия, совсем не заботясь о приличиях, и с наслаждением вдохнула знакомый уютный запах, от него исходящий.

Джонатан тоже обнял профессора, по-мужски коротко, и Артур последовал его примеру. Даже Джек расплылся в улыбке, обмениваясь с ним рукопожатием, а Квинси подбежал к старому голландцу вприпрыжку от радости, словно он малый ребенок, а не серьезный мальчик на пороге отрочества.

Профессор так и сиял.

– Какой радушный прием! Как приятно снова видеть вас всех в этот знаменательнейший день, в эту особую, поистине замечательную годовщину!

Он перевел дыхание, прежде чем продолжить, и в возникшей паузе перед моим внутренним взором, подобно кадрам киноленты, пронеслись картины, виденные мною в этот самый день тринадцать лет назад: темные стены Трансильванского леса, дорога к замку, бешеная гонка к воротам, шайка цыган с их смертоносным грузом, финальная схватка с...⁶ и жертвенная гибель нашего американского друга, когда глаза того монстра наконец погасли навек.

Думаю, профессора посетили примерно такие же мысли. Он молчал так долго, что всем стало немного не по себе.

– Под упомянутой годовщиной, – спохватившись, договорил он, – я подразумеваю, конечно же, день рождения нашего юного друга, мастера Квинси Харкера!

Все зааплодировали – мне показалось, с облегчением. Не знаю, в какие части своего прошлого Артур посвятил Кэрри, но полагаю, что о многих вещах он умолчал – и правильно сделал, если учесть ее собственную историю.

Квинси пока еще ничего не знает. Мы решили до поры до времени ничего не рассказывать ему об обстоятельствах, при которых его родители и их друзья – наш маленький отряд воинов света – впервые сошлись вместе. Сегодня вечером, когда профессор завершил вышеприведенную тираду, я увидела в обращенном на меня взгляде сына что-то похожее на сомнение, даже подозрение. Однако напряженный момент миновал, и праздничная атмосфера возобновилась.

Мы оказывали всяческое внимание Квинси и за ужином, поскольку сегодня ему впервые было позволено допоздна сидеть за столом со старшими. Котенок, как мы ни гнали его прочь из комнаты, все же прокрался к своему новому хозяину и еще с полчаса резвился у него на коленях. А потом, изнулив свое крохотное тельце, там же и заснул крепким сном.

Многие родители такого не допустили бы, но сегодня все-таки у нашего сына день рождения, и я решила: да и бог с ним, ничего страшного. Будь сейчас у меня возможность вернуться на несколько часов назад, я бы, разумеется, рассудила иначе.

Стол ломился от блюд, вино было превосходное, и, глядя вокруг, я думала о том, сколько же счастья выпало мне в жизни и как многочисленны и разнообразны блага, мне посланные.

⁶ Одно слово здесь вымарано столь густо, что бумага вспузырилась и порвалась.

Сегодня каждый из нас активно поучаствовал в разговоре, каждый получил свою долю внимания, и на протяжении всего ужина в нашей маленькой компании царил идеальное равновесие.

– Артур, – заговорил Джек, как только нам подали еду, – я часто читаю в газетах о твоей деятельности в палате. Скажи, как продвигается твоя борьба за перевод этого учреждения на рельсы современности?

Лорд Годалминг лучезарно улыбнулся:

– Не знаю, что именно ты читаешь в прессе, Джек, но сказать, что палата лордов по самой своей организационной структуре не предрасположена к модернизации, значило бы сильно приуменьшить реальное положение дел.

За столом раздалась согласные смешки, а профессор громко хмыкнул в знак солидарности.

– Достаточно будет сказать, – продолжал Артур, – что работы здесь мне на всю жизнь хватит.

– Вы, милорд, делаете очень много полезного, – сказал профессор со своей обычной старомодной учтивостью. – Только на прошлой неделе я слышал, как ваше имя упоминали в связи с этим идиотским «законом о чрезвычайном положении». Говорят, сэр, вы самый решительный его противник.

Джонатан жадно отхлебнул вина.

– Что за закон такой?

– Вы разве не слышали?

– Боюсь, скромные деревенские адвокаты вроде меня не в курсе последних законодательных инициатив.

Лорд Годалминг махнул рукой:

– Это, знаете ли, дело весьма сомнительное и постыдное.

– Продолжайте, – попросил мой муж. – Пожалуйста.

– Я даже не вполне уверен, откуда все пошло. Но в последнее время все чаще ведутся разговоры о том, чтобы вернуть один древний закон – а именно закон, предписывающий в кризисной ситуации лишать муниципальные органы всех полномочий и передавать всю власть некоему комитету, известному как Совет Этельстана. Так получилось, что я по рождению являюсь членом этого комитета. Хотя я категорически против самой идеи подобного властного органа.

– И правильно, милорд, – одобрил профессор.

Артур развил бы тему дальше, но Кэрри легонько коснулась его запястья:

– Давайте теперь поговорим о более приятных вещах. Мина? Джонатан? Вам по-прежнему нравится жить в деревне?

На фоне проблем государственной важности, описанных Артуром, наша жизнь кажется тихой и скучной, но друзья с интересом выслушали наш рассказ о безыскусных повседневных радостях, об адвокатской практике Джонатана, о школьных успехах Квинси и о моем уютом существовании в роли жены и матери.

Далее в разговор вступил взбодренный вином Джек Сьюворт и развлек нас несколькими забавными историями о своих клиентах, в частности весьма фривольной историей об одной герцогине, которая для облегчения своего душевного состояния воображает себя китайским мопсом.

Затем заговорил профессор и для начала сообщил, что частично отошел от дел и много путешествует. Из уважения к нам с Джонатаном и из тактичности по отношению к Квинси он предпочел не останавливаться на характере своих текущих исследований и на цели своих путешествий.

Мы доели горячее и ждали следующего блюда, когда – по завершении рассказа Ван Хелсинга об одном из приключений бурной амстердамской юности – прелестная Кэрри чуть нервно кашлянула и произнесла:

– Прошу внимания!

Все взгляды обратились к ней.

– Я благодарю всех вас за чудесный вечер. Спасибо Харкерам, нашим замечательным, радушным хозяевам. Спасибо Квинси, сегодняшнему имениннику. Спасибо Джеку, нашему верному другу. Мы очень рады находиться среди вас.

– Верно, верно! – с излишней живостью воскликнул Джонатан и постучал вилкой по бокалу так громко, что я поморщилась.

– Мы с моим любимым мужем хотим сделать объявление. Радостное, хотя и несколько запоздалое объявление.

– Ах, моя дорогая! – встрепенулась я, тотчас услышав в голосе Кэрри совершенно особый восторг, какой испытывали и мы с Джонатаном, когда только-только узнали, что у нас будет ребенок. – Неужели?..

Она кивнула, а Артур расплылся в счастливой мальчишеской улыбке, какой я у него еще ни разу не видела.

– Нет ни малейших сомнений, – сказала Кэрри. – Он должен родиться через шесть месяцев.

– Он или она, – с ласковым упреком поправил Артур.

– Нет-нет! – Единственная вертикальная морщинка обозначилась на лбу у Кэрри, когда она сдвинула брови с самым убежденным видом. – Это будет мальчик. Долгожданный наследник состояния Годалмингов.

При последних словах вся наша компания невольно испустила вопль одобрения, вслед за которым так и посыпались поздравления, похвалы, добрые пожелания.

Профессор вскочил на ноги и в своей эксцентричной манере оглушительно хлопал в ладоши, словно аплодируя в опере. Джек с искренней радостью тряс Артуру руку, Джонатан наполнял бокалы, провозглашал тосты и предлагал мужчинам выкурить по сигаре после ужина. Квинси с широкой улыбкой поздравлял Артура. Я крепко обняла Каролину, такую стройную и изящную, и ощутила ее теплое дыхание на своей щеке – а она, вероятно, ощутила мое на своей.

– Я очень рада за вас обоих, – сказала я. – Просто безмерно счастлива.

– Спасибо, но... Мина?

– Что?

– Но буду ли я?.. То есть как вы думаете, сумею ли я стать по-настоящему хорошей матерью?

– О, Кэрри, вы будете замечательной матерью, просто замечательной. Поверьте мне.

– Спасибо, – с облегчением проговорила она. – Вы всегда вселяете в меня оптимизм.

Я стиснула объятия чуть крепче, а потом отпустила Кэрри. Все вокруг продолжали бурно ликовать, даже котенок, разбуженный шумом, прыгал и скакал на полу, словно воздавая должное радостной новости. Думаю, сторонний человек сейчас принял бы нас за буйнопомешанных.

Ах, как хотелось бы бесконечно продлить ту счастливую минуту! Как хотелось бы вечно наслаждаться мгновениями радости!

Ибо уже миг спустя все переменилось.

Среди шума ликования вдруг раздался страшный сдавленный вскрик Ван Хелсинга. Все тотчас умолкло, только котенок растерянно мяукнул пару раз. Повернувшись к голландцу, мы увидели, что лицо у него побагровело, а тело сотрясает крупная дрожь.

– Профессор! – ахнул Джонатан, смертельно побледнев.

Из левого угла рта у Ван Хелсинга вытекла единственная струйка крови. Он хрипло вздохнул и с трудом выговорил следующие бессмысленные слова, свидетельствующие о явном помрачении рассудка:

– Остерегайтесь... стригой... Белая башня... одноглазый...

Он нетвердо шагнул вперед, и доктор Сьюворт велел всем нам расступиться, чтобы дать профессору побольше воздуха. Но Ван Хелсинг сильно покачнулся и с размаху упал навзничь. Веки его затрепетали, он мучительно застонал, а потом устремил пристальный взгляд на Квинси и невнятно произнес:

– Ты... ты станешь сосудом, мой мальчик. Но тебе придется сражаться... биться за свою душу.

Договорив последнее слово своего странного послания, он слабо дернулся и затих. Сьюворт уже склонился над ним, проверяя дыхание. Профессор еще дышит, сообщил он; с ним приключился какой-то ужасный припадок, надо перенести его в постель и безотлагательно вызвать врача, невзирая на неудобства и расходы.

Таким образом, наша веселая вечеринка закончилась печальнее некуда. Сейчас профессор лежит в нашей лучшей комнате на втором этаже, он до сих пор без сознания. Местный врач, доктор Скотт, приезжал и сделал все, что мог. Нам остается только ждать и надеяться, что организм Ван Хелсинга все-таки справится с болезнью и рано или поздно он очнется. Скотт не пытался скрыть от нас серьезность ситуации.

Годаминги по моему настоянию уехали. Я боялась, что подобные тяжелые сцены плохо подействуют на Кэрри, а ведь ей в ее положении совсем нельзя волноваться. Джек пока еще здесь и с профессиональным самообладанием делает все возможное, чтобы нас успокоить. Джонатан проводил врача, предварительно записав все рекомендации и с излишней пылкостью рассыпавшись в благодарностях за потраченное время и силы, и сейчас крепко спит, сморенный усталостью и вином, которое он продолжал поглощать бокал за бокалом даже после того, как профессора хватил удар. Я же не знаю, сумею ли вообще заснуть, когда Ван Хелсинг, этот мощный старик, лежит между жизнью и смертью в комнате над нами.

Но больше всего меня тревожит Квинси, бедный мальчик, для которого этот день должен был стать одним из счастливейших. Он даже не вскрикнул и вообще не выказал никаких признаков горя – просто весь побелел и молча ушел в свою комнату, один. Он увидел не только, как близкий человек, в известном смысле заменявший ему дедушку, страшно побагровел, затрясся и рухнул навзничь, но увидел также и душераздирающие последствия этого падения. Ибо когда мы подняли безжизненное тело профессора, то обнаружили под ним мертвого котенка Огюста, с раздавленным черепом, содержимое которого растеклось красной лужицей на полу нашей гостиной.

Часть I

Падает черная тень

Из личного дневника Мориса Халлама

6 ноября. Сегодня мой последний день в старинном, очаровательном и совершенно порочном Бухаресте. Три недели я наслаждался всеми удовольствиями, которые он может предложить, и спускался в его фантастические глубины, как какой-нибудь новый эпикурец⁷. Я предавался плотским утехам открыто, бурно и без малейшего зазрения совести. Как следствие, завтра утром я покину Бухарест и продолжу свои странствия по окраине громадного континента – двинусь глубже на восток, к Брашову и дальше. В оставшиеся же несколько часов постараюсь сделать свое прощание с этим городом незабываемым.

Конкретная причина моего отъезда банальна до зевоты. До сих пор все в отеле держалось со мной весьма любезно, но сегодня днем управляющий довел до моего сведения, что мое непристойное поведение (вкуче с некоторой медлительностью в вопросах оплаты их бесчисленных счетов) сделало мое дальнейшее пребывание здесь крайне нежелательным. Таким образом, завтра я снова пущусь в дорогу и продолжу свои беспорядочные путешествия по глухой периферии Европы.

Пока я писал, за окнами стемнело – вечер зовет, я готов к прощальному выступлению в этом городе греховных наслаждений. Я направлюсь в старейшие кварталы, пройду по узким булыжным бульварам, где зримы следы страшных периодов военных вторжений и сопротивления, но сегодня повсюду громкая музыка, дешевый гашиш на каждом углу и мальчики еще дешевле. На пустошах бедности произрастают поистине редкие цветы, там нет ничего запретного, и человек может на время сбросить бремя среднего возраста и неудовлетворенности жизнью. Скинув маску обыденности, он может стать таким, каким был задуман: свободным и раскрепощенным.

* * *

Позднее. Вечер был восхитительный. В своей раскованной откровенности он снова показал мне, как в ясном зеркале, собственную мою душу. Я пишу эти беглые строки перед самым рассветом, в приподнятом настроении человека, упившегося всеми извращенными наслаждениями, которые здесь изобретаются с великим усердием и фантазией.

Разумеется, по возвращении в это временное жилище после подобных развлечений было бы странно не поразмыслить о принятых в прошлом решениях и о возможностях (жена, коттедж, профессия учителя), которые в далекой молодости я отверг из благородного желания жить жизнью, свободной от лицемерия. В последнем я премного преуспел, хотя и пришлось многим пожертвовать. О том, чем я был вознагражден за сделанный выбор, нагляднее всего свидетельствуют удовольствия сегодняшней ночи, включающие по-крестьянски добротные еду и напитки, возбуждающие вещества, запрещенные в более цивилизованных странах, и прехорошенького уличного мальчишку, купленного за сущие гроши. Сделав свое темное дело, я

⁷ Эпикурец – последователь эпикуреизма, учения древнегреческого философа Эпикура (342/341–271/270 до н. э.), согласно которому высшим благом считается наслаждение жизнью, подразумевающее отсутствие физической боли и тревог, а также избавление от страха перед смертью и богами.

поцеловал его и продекламировал стихотворение Жида⁸, которое он выслушал с притворным восхищением.

Я думал, что стать более приятным вечер уже не может, однако, сразу по выходе из ночлежного дома, куда меня привел оборвыш, я имел счастье узреть красивейшего молодого человека из всех, каких мне довелось встречать в этом веке.

Высокий и стройный, с римскими чертами лица и гладко зачесанными светлыми волосами, он стоял напротив только что покинутого мною заведения, с двумя мальчишками под руку. Он определенно был англичанин, причем хорошо образованный: я услышал четкий, чистый выговор, присущий выпускникам наших лучших частных школ. Заметив, что я на него глазею, молодой человек улыбнулся, обнажив ровные, безупречно белые зубы, и шутливо отдал честь, прикоснувшись к виску пальцами левой руки. Я хотел было ответить в таком же духе, даже завязать с ним разговор, как эмигрант с эмигрантом, но незнакомец повернулся ко мне спиной и скрылся в темноте вместе с бесстыдными мальчишками.

Не знаю почему, но при мысли, что я никогда больше не увижу этого изысканного красавца, я почувствовал невыразимую печаль, как если бы навеки потерял что-то очень, очень важное.

7 ноября. Итак, сегодня, в ставшей уже привычной атмосфере осуждения, я покинул Бухарест – расплатился за номер и отбыл с утра пораньше, провожаемый неприязненными взглядами хозяев отеля. Голова трещала, в горле стояла сухость, сердце чуть покалывало, какие-то ощущения являлись прямыми последствиями моих ночных развлечений. По чистому везению мне удалось в начале одиннадцатого сесть в почтовую карету, направлявшуюся дальше на восток. Я со своим чемоданчиком на коленях оказался зажат между пожилой матроной (одетой во все черное, словно в глубоком горе) и молоденькой девушкой, которая в Англии еще училась бы в школе, но здесь, в далеком от цивилизации краю, наверняка уже мать троих детей. Пока мы, нимало не заботясь о скорости и пунктуальности, выезжали из города в предместья, я задремал.

Когда проснулся с час назад, Бухарест уже остался далеко позади, и перед нами жемчужной раковиной раскрывался сельский пейзаж. Дорога здесь прямая как стрела, и думаю, в солнечное время года виды вокруг восхитительно живописные. Но сегодня серые плоские поля по обеим сторонам от нас казались мрачными и грозными.

Через некоторое время чертовы поля закончились, и мы въехали в обширный лес. Спутанные ветви высоких древних деревьев нависали над нашей маленькой каретой, и я опять пожалел, что вижу Румынское королевство сейчас, а не весной или летом. Зимой в этих краях все тени сгущаются, воздух темнеет, и даже самые невинные элементы пейзажа приобретают зловещий вид.

Обычно в подобных обстоятельствах я благополучно засыпаю, но сейчас сон никак не шел, и мне ничего не оставалось, как смотреть в окно на проплывающие мимо картины. Изредка я от них отвлекался, чтобы занести в дневник эти заметки. Несомненно, мой почерк здесь гораздо более неровный, чем обычно.

Моя молоденькая соседка, на удивление прилично говорящая по-английски, сообщила мне, что через несколько часов мы сделаем остановку в Брашове.

– Там красиво, – сказала она с акцентом, парадоксально сочетающим неприятную жесткость согласных и милую певучесть гласных. – Много всякой старины.

Только что мы пересекли границу между относительно цивилизованным миром и древней провинцией Трансильванией.

⁸ Жид, Андре Поль Гийом (1869–1951) – французский писатель, прозаик, драматург и эссеист, оказавший значительное влияние на французскую литературу XX в. и умонастроения нескольких поколений французов; лауреат Нобелевской премии (1947).

* * *

Позднее. Пишу уже в Брашове – неожиданно славном городке, полном неизъяснимой прелести и проникнутом идиллическим деревенским духом.

Едва выйдя из кареты, я понял, что должен задержаться здесь на пару дней. Городок маленький, но чистый и ухоженный, имеет выраженные среднеевропейские черты; опрятные улочки окружают живописную главную площадь и расходятся от городского центра, как спицы колеса от ступицы. Расположен Брашов у самого подножия Карпат – могучих гор, которые вздымаются к небу, зрительно уменьшая размеры и без того небольшого городка и сообщая ему вид некоего священного убежища, беззащитного поселения среди суровой дикой местности.

Восхитительное зрелище, мне представшее, настолько меня пленило, что я не стал садиться обратно в карету, а нашел здесь же, на площади, единственную в Брашове гостиницу, название которой, если верить тучной старой хозяйке, переводится с румынского как «Самая высокая и опасная горная тропа».

Оставив чемодан в своей на удивление уютной комнате, я пошел прогуляться по окрестным улочкам. Городок очень тихий и спокойный, без особых достопримечательностей, но все в нем дышит странным очарованием, которому трудно не поддаться. Живут здесь преимущественно крестьяне, хотя есть и лавочники, и торговцы, и коммивояжеры. Все встречные смотрели на меня с любопытством, но без малейшей подозрительности или враждебности. Полагаю, в своем сюртуке, шейном платке и с волосами до плеч по моде девяностых я представляюсь обитателям этого забытого уголка мира совершенно блистательной фигурой.

Сразу за площадью – лицом к исполинской горной гряде, словно бросая ей вызов, – стоит Черная церковь⁹, получившая свое наименование из-за стен, потемневших от гари и копоти при жестоком пожаре, который случился около двух с половиной веков назад и, насколько я могу судить, причинил значительные разрушения всему городу. Однако именно в силу своего смертоносного характера пожар послужил также и ко благу, полностью уничтожив чуму, все еще свирепствовавшую здесь в то время.

Темные стены придают зданию зловещий вид, которому, впрочем, несколько не соответствует внутренность храма – просторное, светлое и довольно изящно оформленное пространство, пускай и грешащее по-язычески избыточной выразительностью (на мой столичный взгляд, по крайней мере). Даже мне, обладателю крепких нервов, фигура Христа на кресте, претерпевающего нечеловеческие муки, показалась настолько страшной в своем чрезмерном натурализме, что даже не знаю, смогу ли я сегодня спать спокойно. Страдание на лице Спасителя передано чересчур достоверно; струйки крови, стекающие по худому жилистому телу, нарисованы слишком реалистично. Я торопливо завершил осмотр Черной церкви и не без облегчения вышел на улицу, где уже начинало смеркаться.

Должно быть, атмосфера храма подействовала на мое воображение сильнее, чем мне показалось поначалу, ибо я мог бы поклясться, что, выйдя наружу, увидел на другой стороне улицы молодого человека, который стоял в тени, глядя на вход в Божий дом. Я поморгал в сумеречном свете и протер глаза, а когда снова посмотрел – там никого не было.

Пишу в своей комнате незадолго до того, как спуститься к ужину, абсолютно трезвый. Последнее обстоятельство подчеркиваю, чтобы было понятно: следующее мое заявление отнюдь не какая-нибудь хмельная фантазия.

⁹ *Черная церковь* (также церковь Святой Марии) – церковь в румынском городе Брашов, ныне лютеранская, построенная в XIV–XV вв.; крупнейшее в стране сооружение, выполненное в готическом стиле.

Я почти уверен, что молодой человек, мельком увиденный мною у Черной церкви, был тот самый англичанин, который приковал мое внимание вчера в грязном, пропитанном грехом переулке старого Бухареста.

* * *

8 ноября. В окно падают косые лучи рассвета. Я весел и возбужден. Вчера во мне вспыхнула новая страсть, и в венах моих теперь струится жаркий огонь.

Вернувшись в отель после посещения Черной церкви и сочинив несколько абзацев касательно главных событий дня, я слегка задремал. Проснулся с пересохшим горлом и тяжелой головой, разбитый и усталый от путешествия, а также, полагаю, от предшествовавших ему развлечений. Приближаясь к пятидесяти летам, я стал замечать, что здоровье мое уже не такое крепкое, как раньше. С трудом поднявшись на ноги, я ополоснул лицо холодной водой, оделся к ужину возможно лучше (мой вечерний костюм, признаться, уже несколько поистрепался) и сошел вниз. Там меня ждало нечто невероятное и совершенно потрясающее.

Помещение, где славная хозяйка накрывает трапезы, длинное и темное; стены украшены мрачными горными и лесными пейзажами. К столу здесь, как и повсюду в королевстве, подаются в основном мясные блюда (с преобладанием разнообразных колбас) и всевозможные гарниры из капусты, вареной или тушеной. Все это – от обстановки помещения до меню ужина – я мог угадать еще прежде, чем спустился по лестнице. Однако там, в убогой столовой зале, оказался сюрприз, о каком я и мечтать не смел.

Поскольку сейчас, поздней осенью, эта захолустная гостиница почти пустовала, в столовой не было никаких других постояльцев – кроме одного джентльмена, чьи черты, фигуру и обворожительную улыбку я тотчас узнал.

На меня устремил глаза молодой человек, которого я видел позавчера в грязном бухарестском переулке и вчера возле церкви. Я невольно остановился, даже пошатнулся от неожиданности, и еле выговорил:

– Д-добрый вечер...

Молодой человек улыбнулся чуть шире:

– Вы англичанин?

– Да, – ответил я.

– Что ж... – Он обвел рукой пустую залу. – Не угодно ли присоединиться ко мне? Два англичанина, преломляющие хлеб в чужой стране.

– С великим удовольствием. – Я подошел к нему и протянул руку. – Позвольте представиться: Морис Халлам.

– Очень приятно. – Ладонь у него мягкая и гладкая, но пожатие крепкое. – Габриель Шон.

– Премного рад. – Я не без сожаления отпустил его руку и сел рядом. – Премного рад познакомиться с вами наконец.

Шон удивленно приподнял брови:

– Разве мы встречались прежде?

– Да, полагаю, – сказал я со всем посильным спокойствием. – Около Черной церкви?

– Ах да, конечно! Теперь припоминаю, мистер Халлам.

– Нет-нет. – Я доверительно подался вперед и призвал на помощь все свое обаяние. – Зовите меня просто Морис.

– Договорились. А вы меня – Габриель.

– Величайший из архангелов, – пробормотал я. – Самый высокопоставленный и чтимый из Божьих вестников. Главный утешитель Адама перед грехопадением.

Мы обменялись улыбками, два английских путешественника в стране крови и тьмы. На столе стояло вино, и мы пили вволю. Поначалу, по крайней мере с моей стороны, разговор шел

с запинками и заминками (я уже давно ни с кем не общался, кроме сапожников, отельных служащих да пограничников). Тем не менее я сразу понял, что мы с мистером Шоном замешены из одного теста. Помимо дивной красоты молодости, он обладал блистательной скромностью и подлинным, неотразимым очарованием.

– Каким же ветром вас занесло в Брашов? – спросил я, поудобнее устраиваясь на стуле. – Прошу прощения, но вы здесь смотрите почти так же неуместно, как я.

Мистер Шон согласно наклонил голову:

– В ваших словах есть правда. – Голос у него гладкий, хорошо поставленный, без подвыявания, часто свойственного аристократам. – Моя история, вероятно, слишком неприглядная, чтобы рассказывать к столу. Особенно некоторые ее детали. Пока достаточно будет сказать, что я низкого происхождения и был спасен от нищеты сиротского приюта высокородным благодетелем, лордом Стэнхоупом, чья недавняя кончина дала мне и побуждение, и необходимые средства для того, чтобы покинуть Англию и отправиться в путешествие по незнакомым странам.

Заинтригованный этим сжатым жизнеописанием, я обдумывал, как бы выведать подробности, не показавшись при том назойливым или бесцеремонным, но тут в столовую опять суетливо вошла наша хозяйка.

– Господа! – воскликнула она на своем очаровательно ломаном английском. – Надеюсь, мы оба с полным удобством устроились в нашем скромном заведении?

Разумеется, мы заверили ее, что устроились прекрасно. Хозяйка просияла от удовольствия и почти сразу удалилась, рассыпаясь в обещаниях порадовать нас превосходным ужином.

Когда она скрылась за дверью, Габриэль посмотрел мне в глаза и спросил:

– А вы, Морис? Как вы оказались в Румынии?

– О, моя история самая обычная. Вероятно, у всех эмигрантов такая же или очень похожая. Просто к концу прошлого века я понял, что Англия слишком бедна воображением, слишком жестока нравом и слишком некрасива видом, чтобы я мог со спокойной душой оставаться в ее пределах. В то время как моя страна корчилась в судорогах мелочной злобы и нетерпимости, я отправился на континент в поисках новых приключений.

Габриэль снова согласно наклонил белокурую голову, и я почувствовал, что он полностью понимает мои мотивы.

– Как интересно! – Он вскинул подбородок, и я в очередной раз восхитился его великолепным профилем. – Ну... что потеря для нашей родины, то, безусловно, приобретение для Европы. – Он немного помолчал, внимательно в меня вглядываясь. – Простите, Морис, но, несмотря на наши недавние случайные встречи, мне все-таки кажется, что я где-то вас видел еще раньше, то есть в Англии.

Я с напускной небрежностью пожал плечами:

– Вполне возможно.

– Почему вы так считаете?

Для вящего эффекта я повел в воздухе рукой.

– Много лет назад, когда вы были еще ребенком, я пользовался на родине некоторой известностью.

– В каком качестве?

– Будучи актером лондонского театра, мой дорогой.

– О! – сказал Габриэль Шон. – Ну да. Конечно.

– Быть может, вы меня видели в детстве? Когда совсем еще мальчиком сидели в партере с разинутым от восторга ртом. Видели моего Петруччо? Моего Бирона?¹⁰ А может быть, –

¹⁰ Видели моего Петруччо? Моего Бирона? – Речь идет о персонажах пьес Шекспира. Петруччо – герой комедии «Укрощение строптивой» (между 1590 и 1592); Бирон – герой комедии «Бесплодные усилия любви» (середина 1590-х).

продолжал я, вспомнив об упомянутых им обстоятельствах ранней поры жизни, – вам просто попадалась на глаза афиша с моим изображением или вы когда-нибудь встречали меня на улице в окружении поклонников, зрителей и журналистов?

– Да, очень возможно, – кивнул Габриель, и при мысли о таком переплетении наших биографий мы на минуту умолкли.

– До чего же порой причудливы жизненные пути, – вновь заговорил он наконец. – И незримые связи между судьбами.

Я собирался ответить, что думаю ровно о том же, но в этот момент появилась хозяйка с тарелками мяса и новым графином вина на подносе, изливаясь в добрых пожеланиях и взволнованно выражая надежду, что двое английских гостей останутся всем довольны.

После этого вторжения наша беседа повернула в менее философское русло, и мы заговорили на более общие темы – туристические, гастрономические, исторические, географические и финансовые. С каждой минутой мы чувствовали себя все свободнее и непринужденнее. Я немного рассказал о старых добрых временах, о Лондоне девяностых, о своей ныне приостановленной артистической карьере. Габриель же о прошлом вообще не говорил, только о будущем.

– Я самое опасное существо на свете, – объявил он, когда мы уже опустошили тарелки и почти допили вино. – Человек с деньгами в поисках какой-нибудь цели.

– То есть вы не знаете, к чему вам стремиться? – спросил я. – Никакой определенной цели нет?

– Должна быть где-то, – вздохнул Габриель, на миг затуманившись. – Но мне еще надо ее найти. Эту мою великую цель.

– Наверное, вы хотите творить добро тем или иным образом? – предположил я.

– Возможно... – неуверенно проговорил он. – Хотя мне кажется, точнее будет сказать, что я просто хочу измениться. А любая перемена сама по себе не имеет никакого отношения к нравственности. Она не добро и не зло. Просто некая трансформация, и все.

– Как интересно! Вы представлялись мне чем-то вроде нового Адониса¹¹. Теперь же я вижу, что на самом деле вы – подлинное воплощение Протея¹².

Впервые за весь вечер Габриель улыбнулся по-настоящему широко. Наши взгляды встретились, и между нами проскочила искра взаимного влечения. Я окончательно понял, что в каком-то важном смысле мы с ним очень похожи: родственные души в этом далеком глухом краю, притянутые друг к другу, скажем уже прямо, неким космическим магнетизмом.

Следующий час был часом сладостно-томительного предвкушения, грациозного гавота, сложенного из любезностей и изящных поз, летучих взглядов и сближений, вина и сигар, телесных соприкосновений, якобы неумышленных, но явственно выдающих жар желания. Завершив наконец этот старый как мир танец, мы разошлись каждый в свою комнату.

Я прождал почти четверть часа, весь дрожа и заходясь сердцем, а потом прокрался по коридору к комнате Габриеля.

Как я и надеялся всеми фибрами своей истомленной души, он ждал меня на кровати, полностью раздетый, лишь слегка прикрывая наготу простыней.

– Габриель, – выдохнул я и с трепетом приблизился, готовый всецело подчиниться.

Он улыбнулся и указал на кресло прямо напротив кровати:

– Сядь, Морис.

Я сел.

¹¹ *Адонис* – древнегреческий бог юности и красоты; весеннее божество возрождающейся природы, ежегодно умирающее и воскресающее.

¹² *Протей* – древнегреческий морской бог, обладавший способностью принимать любой образ.

– Ты никогда не прикоснешься ко мне так, как тебе хотелось бы, – твердо сказал он тут же. – Никогда. Но тебе разрешается смотреть, если я сам этого хочу.

Затем Габриэль откинул простыню и заговорил – не о тех приятных предметах, что совсем недавно занимали наше внимание, но о своей настоящей жизни, тайной жизни. Рассказал о нищем детстве на лондонских улицах, о годах в сиротском приюте и о страшной милости своего благодетеля, лорда Стэнхоупа. Как и было велено, я только смотрел и слушал, пылая огнем вождения, и я отдал Габриелю столько себя, сколько не отдавал никому уже более четверти века. Сейчас, когда пишу на рассвете дня, меня захлестывает чувство, которого я не испытывал так давно, что почти забыл его вкус и запах.

Я даже не вполне понимаю природу этой сильной эмоции. Но одно знаю без тени сомнения: если я когда-нибудь зачем-нибудь понадобится мистеру Габриелю Шону – я весь его, душой и телом.

* * *

Позднее. Странный постскрипtum к вышенаписанному. Пока я при набирающем силу утреннем свете писал предыдущие строки о страсти и желании, откуда-то издалека донесся лай дикой собаки – обычное дело в здешней глуши, где часто видишь этих несчастных тощих животных, уныло бродящих в общественных местах или выпрашивающих объедки около ресторанов. Закончив последнюю фразу, содержащую столь пылкое и искреннее признание, я, обессиленный горячечным восторгом, упал на кровать и там, среди сбитых простыней, тотчас отдался объятиям Морфея¹³.

Проснувшись пару минут назад, я обнаружил, что лай не прекратился, но стал гораздо громче и ближе, как если бы животное находилось у самых дверей отеля.

Я со всем возможным проворством поднялся с постели, подскочил к своему маленькому освинцованному окну и выглянул на улицу. Представшее мне зрелище повергло меня в дрожь первобытного страха. Посреди мостовой стоял крупный серый волк, превосходящий размерами всех, каких я когда-либо видел в неволе.

Вид у него был дикий, взъерошенный, отчаянный и голодный. Глаза, налитые кровью (несомненно, от крайнего истощения, пригнавшего зверя в самый центр городка), сверкнули красным, когда он поднял голову, словно почувствовав мой взгляд. Увидев меня, волк испустил жуткий, леденящий душу вой. Не могу точно сказать, был ли то вой страха, или отчаяния, или какого-то странного торжества, причина которого мне пока еще неизвестна.

Дневник Мины Харкер

8 ноября. Как тяжелы были часы, прошедшие с последней записи в этой тетради, и как печальна моя обязанность описать сейчас все подробности последних двух дней. Словно громадная мрачная туча опустилась на наш еще недавно счастливый дом. Ван Хелсинг лежит наверху – он дышит, но в остальном потерян для нас, погруженный в беспамятство, теряющий жизненные силы, угасающий. Какая черед медиков прошла через эти двери! Лондонский специалист от Годалминга, два друга Джека Сьюворда и снова наш деревенский врач, доктор Скотт, от которого в этот раз явственно пахло спиртным.

Недостатка в средствах в нашем маленьком кругу нет, но никакие деньги не могут принести нам даже самого слабого утешения. На самом деле они лишь заставляют яснее осознать, сколь ничтожен человек со всеми своими ухищрениями перед лицом неумолимых законов

¹³ *Морфей* – в греческой мифологии крылатое божество сновидений, один из сыновей бога сна Гипноса.

природы. Подобные мысли посещают меня всякий раз, когда я сижу подле профессора и вижу, с какой страшной скоростью болезнь берет свое. Безжизненно простертый на узкой кровати, небритый и растрепанный, он выглядит совсем немощным и дышит с мучительным трудом, словно каждый вдох требует неимоверного напряжения всех сил, оставшихся в его старом теле. Годаминги и Сьюворт еще позавчера вернулись в Лондон, но я держу их в курсе всех обстоятельств. Бедную Кэрри плачевный вид профессора расстраивал бы до степени почти невыносимой, а потому им с Артуром никак нельзя здесь находиться. Живых родственников, насколько мне известно, у Ван Хелсинга не осталось.

Не знаю, долго ли еще наша семья сможет продержаться в таком вот состоянии напряженной бдительности и полной беспомощности. Нервная усталость заметна во всех нас. Джонатан разговаривает мало и пьет больше, чем следовало бы, но в его глазах я вижу тяжелую тоску, которую он тщетно старается скрыть. Квинси проявляет какой-то нездоровый стоицизм. Лицо у него пустое, отрешенное, а голос звучит без всякого выражения, что очень меня пугает. Он не желает говорить ни о своем странном поведении, ни о несчастье, забравшем жизнь его котенка. Мы пообещали купить другого, но он – пока, во всяком случае, – говорит, что другой ему не нужен.

Квинси должен был вернуться в школу, но никуда не поехал. Мы с Джонатаном приняли такое решение (полагаю, к немалому раздражению школьного директора, доктора Харриса), поскольку посчитали важным, чтобы он остался дома еще на некоторое время – по крайней мере до тех пор, пока не определится участь Ван Хелсинга.

И я, и Джонатан – оба горько сожалеем, что не присутствовали при смерти наших любимых. Если вдруг профессора не станет, мы не хотели бы, чтобы наш сын всю жизнь мучился таким же чувством вины. Мы напряженно ждем хоть каких-нибудь перемен в состоянии благородного голландца. Все мы обязаны ему жизнью, и неустанно дежурить у его постели просто-напросто наш долг. Мы ждем, мы поочередно несем дежурство, и мы молимся.

Последние две ночи меня впервые за многие годы (впервые с рождения сына, если точнее) мучили дурные сны, похожие на кошмары прежних времен. Думаю, это вполне объяснимое следствие недавних событий. Сегодня я ни свет ни заря проснулась, совершенно разбитая, от яркого кошмара, в котором огромный серый волк с горящими огнем глазами возбужденно и страстно выл.

Все подобные вещи, я знаю, остались в прошлом веке, в той части нашей жизни, о которой мы никогда не разговариваем. Но сон встревожил меня и никак не идет из головы.

* * *

9 ноября. Мы по-прежнему держим осаду. Ван Хелсинг все так же не с нами. В доме стоит атмосфера мрачной тревоги. Утром Джонатан уехал по работе – оглашать завещание в Саммертауне и утешать очередную расстроенную семью, – а я уговорила Квинси выйти из дома, впервые после трагедии, и прогуляться со мной за окраиной деревни.

Боюсь, сейчас он в таком возрасте, когда сколько-либо доверительное общение с матерью для него невозможно. Но все же, когда мы вышли из Шор-Грин в окрестные поля, нам удалось побеседовать более или менее содержательно.

Уже не ребенок, но еще не мужчина, Квинси на удивление стремительно переходит от детского поведения к взрослому и обратно. Например, когда у нас зашла речь об ужасной гибели бедного Огюста, мой сын вдруг словно бы стал лет на пять младше своего действительного возраста. А вот когда мы заговорили о его учебе и о зрелых усилиях, необходимых для успехов в ней, у меня возникло впечатление, будто передо мной серьезный молодой человек, недавно окончивший университет. В настоящее время Квинси думает не о юридической карьере, о которой раньше говорил с мальчишеским энтузиазмом, порожденным, безусловно,

его искренним восхищением отцом, но скорее о карьере медицинской: хочет пойти по стопам Джека Сьюворда и заниматься лечением душевных болезней.

Будучи тем, что некогда называлось «современная женщина»¹⁴ (до чего же странно звучит это выражение сегодня!), я твердо держусь мнения, что каждый человек в полном праве сам строить свою судьбу, как считает нужным. Я готова поддерживать сына на любой стезе, им избранной. Тем не менее я невольно задалась вопросом, не объясняется ли его новое увлечение не столько подлинным интеллектуальным интересом, сколько возрастающим разочарованием в Джонатане, который в последние месяцы становится все апатичнее и отчужденнее. Может быть, своим заявлением о перемене намеченного жизненного курса наш сын просто пытается привлечь внимание моего мужа? Моя же обязанность – выслушивать, понимать и примирять. Важная работа, доставляющая мне радость. Однако... не тоскует ли некая часть меня по тем дням, когда я была чем-то гораздо большим, чем домашний дипломат?

Глупые, незрелые мысли.

После того как мы обсудили вопрос медицинской карьеры, разговор перестал клеиться, все чаще прерывался паузами, а потом и вовсе сошел на нет, поскольку Квинси не пожелал разговаривать о славном старике, лежащем без памяти в нашем доме, и сделался мрачен, замкнут, молчалив.

По приходе домой мы обнаружили, что Джонатан уже вернулся из своей поездки по адвокатским делам, но успел изрядно употребить того, что он назвал аперитивом, но что, на мой взгляд, больше походило на чистый джин. Я поднялась наверх и села у кровати профессора. Смотрела, как слабо вздымается его грудь, слушала неровное хриплое дыхание, видела слюну в уголках рта, видела смертную немощь этого великого человека. Глубокая печаль охватила меня при мысли о неотвратимом ходе времени, о его неумолимом поступательном движении, и я поразились несправедливости существующего порядка вещей.

Однако в прошлом я знала – все мы знали – кое-кого, кто с помощью не иначе как самого Дьявола стал неподвержен подобным естественным процессам и неподвластен времени. В сущности, он был бессмертен, причем благодаря своим сверхъестественным способностям мог принимать разные образы: летучей мыши, крысы, туманного столба. Но что это дало ему, кроме бесконечного страдания? Что подарила ему вечная жизнь, кроме возможности долгими столетиями возвращать в своей душе чудовищные пороки и страсти?

* * *

Позднее. Джонатан лежит рядом – спит мертвецким сном, весь в испарине. Очень печально, что в трудных обстоятельствах вроде нынешних он ищет спасения в бутылке.

Думаю, такому его поведению есть по меньшей мере частичное объяснение. Хотя Джонатан редко говорит о своем покойном отце, у меня сложилось впечатление, что для этого человека алкоголь тоже служил своего рода костылем. Я стараюсь относиться с пониманием. Но в такие минуты, как сейчас, мне страшно не хватает моего мужа, каким он бывает в лучшие свои дни. Ибо я только что пробудилась от очередного страшного сна.

Мне опять приснились острые белые клыки, жуткий вой и черный силуэт дикого волка на фоне лунного света.

¹⁴ «Современная женщина» – феминистский идеал, возникший в конце XIX в. Термин впервые использовала в 1894 г. ирландская писательница Сара Гранд для обозначения образованных независимых женщин, выступавших за равноправие с мужчинами.

Письмо доктора Джона Сьюворда – Джонатану и Мине Харкер

10 ноября

Дорогие Джонатан и Мина! Право, мне очень жаль, что я по-прежнему не с вами сейчас, в этой чрезвычайной ситуации. В настоящее время у меня работы по горло – сколь разнообразны и изобретательны душевные болезни! – и я должен выполнять свои обязанности. Надеюсь, однако, мне нет нужды повторять, что мысленно я с вашей семьей и профессором.

Следует ли понимать, что его состояние остается прежним? Если заметите хоть малейшие признаки каких-либо изменений, пожалуйста, дайте мне знать телеграммой, и я немедленно покину Лондон, чтобы быть рядом с вами.

Без Абрахама Ван Хелсинга моя жизнь обеднела бы безмерно. Тем не менее я абсолютно уверен, что прежде всего мой старый учитель хотел бы, чтобы я исправно выполнял свои профессиональные обязанности. Но именно из заботы о нем, а равно о благополучии вашей семьи пишу вам сегодня.

У меня к вам предложение. В моей клинике есть одна превосходная молодая сиделка по имени Сара-Энн Доуэль. Она работает на меня уже целый год, и за это время зарекомендовала себя наилучшим образом: спокойная, добрая, расторопная, умелая и преданная своему делу. Она обладает трезвым умом, незаурядными способностями к медицине и стремлением творить добро в мире при любой возможности.

Насколько я понимаю, мисс Доуэль происходит из семьи малоимущей и неблагополучной, однако исполнена решимости самостоятельно пробиться в жизни, несмотря на свои неудачные исходные обстоятельства. Я хотел бы безотлагательно откомандировать ее к вам, чтобы она помогала вам в вашем постоянном наблюдении за профессором, каковой медицинский подвиг, должно быть, ложится тяжким бременем на вас и ваших слуг. Жалованье мисс Доуэль за все время проживания у вас будет выплачено полностью из моего кармана. Надеюсь, вы позволите мне сделать такую малость, во имя нашей дружбы.

Сейчас меня, как и Артура, прежде всего заботит, чтобы никто из нашего маленького сообщества не сломился духом, сколь бы страшная тень нас ни накрыла.

Всегда ваш

Джек Сьюворд

P. S. Передайте мои наилучшие пожелания вашему сыну. Мальчик он впечатлительный, возраст у него сложный, и я полагаю, трагические события, случившиеся в его день рождения, глубоко потрясли его. Ах, бедный ваш котенок! Какая бессмысленная гибель! У меня до сих пор стоит перед глазами красная лужица, оставшаяся после него на полу. При виде нее мне невольно вспомнилась, впервые за многие годы, излюбленная фраза того несчастного сумасшедшего, Р. М. Ренфилда. Помните? Он повторял ее снова и снова, будто какое-то целительное заклинание. «Кровь – это жизнь, – говорил он, весь дрожа и сверкая безумными очами. – Кровь – это жизнь».

Из личного дневника Мориса Халлама

10 ноября. Не помню, чтобы когда-нибудь (по крайней мере, в этой скучной стране) я испытывал такое концентрированное плотское наслаждение, какое испытываю последние два дня в обществе мистера Габриеля Шона.

Сразу должен пояснить, что положение вещей несколько не изменилось. Между нами по-прежнему стоят платонического свойства ограничения, и, полагаю, так останется всегда. Мне дозволено сколько угодно поедать Габриеля глазами, но любые попытки более тесного контакта запрещены.

При обычных обстоятельствах я бы отказался принимать такие правила и стал бы утолять свои потребности где-нибудь еще. Однако случай с Шоном *sui generis*¹⁵. В его обществе – гуляем ли мы по городу или ужинаем вместе в отеле – я испытываю прежде всего полнейшее умиротворение. Рядом с ним я обрел неведомый мне доселе покой и – хотя срок нашего знакомства все еще может исчисляться часами – какое-то удивительно глубокое чувство преданности.

Все это появилось во мне за время, прошедшее с вечера нашего с ним первого разговора. В минувшие два дня мы с Габриелем играли в праздных путешественников, заброшенных в этот городок ветром случая и исполненных решимости досконально исследовать здесь все углы и закоулки. Теперь мы знаем эти испещренные тенями улочки лучше, чем любой другой англичанин, когда-либо посещавший Брашов.

Однако будет вполне справедливым сказать, что достопримечательностей в Брашове раз-два и обчелся, на исчерпывающее ознакомление со всеми ними хватает нескольких дней. И если это чувствую даже я, чья жизнь уже ближе к концу, чем к началу, то, безусловно, Габриель, который вдвое моложе и полон жгучего нетерпения молодости, чувствует то же самое стократ острее. В нем живет страсть к путешествиям, неутолимая жажда новых впечатлений.

Так что долго мы в Брашове не задержимся. Не сегодня завтра мистер Шон пожелает двинуться дальше, а я с божьей помощью последую за ним куда угодно.

Мое сердце со всем содержимым принадлежит ему.

Телеграмма Джонатана Харкера – доктору Джону Сьюворду

11 ноября

Письмо получено с благодарностью. Любезное предложение об услугах мисс Доуэль принято. Состояние профессора без изменений. Недавно приезжал врач. Прогноз: чем дольше ВХ в беспамятстве, тем меньше вероятность, что он когда-нибудь очнется.

Из личного дневника Мориса Халлама

11 ноября. Мое предсказание сбылось: завтра утром мы направимся в неизведанные дремучие леса по другую сторону от этого тихого поселения, а оттуда углубимся в Карпатские горы. Однако то, каким образом оно сбылось, стало для меня полной неожиданностью.

Сегодня случилось три странных события. Утро и большая часть дня прошли без происшествий: мы либо предавались ленивой неге, либо беседовали на возвышенные темы. Однако, когда начало смеркаться, мы оба осознали, что уже много часов ничего не ели, если не считать мясных закусок, принесенных нам хозяйкой сразу после полудня. Обычно мы питались в гостинице, но сегодня решили поужинать в таверне на другом конце городка, минутах в двадцати ходу от нашего временного жилища. Ее название переводится как «Забоданный олень» – дурацкое название для едального заведения, даром что подобные курьезы в этих краях обычное дело.

Решение поужинать там принял Габриель. Я бы с гораздо большим удовольствием посидел в знакомой обстановке, но все яснее понимаю, что тяга к новизне – главное свойство его натуры.

Первая за день странность случилась, когда мы сообщили хозяйке о своих планах: она вдруг страшно разволновалась и запротестовала с неожиданной горячностью.

– Прошу вас, господа хорошие! Не ходите в это логово зла. Англичанам там не место. Да и любому человеку, сохранившему в своем сердце хоть каплю добра.

¹⁵ *Sui generis* – единственный в своем роде (лат.).

На лице у нее была написана тревога, и она, пока говорила, дотронулась до маленького деревянного крестика на груди. Театральность жеста меня позабавила, хотя бедная женщина, похоже, нисколько не играла. Думаю, она переживала по-настоящему, но вовсе не из-за ничтожной суммы, которую могла бы получить с нас, останься мы ужинать в гостинице, а так не получит. Нет, все ее поведение свидетельствовало скорее о сильнейшем страхе. Услышав возбужденный голос старухи, Габриель принял скептический вид и сложил красивые губы в насмешливую улыбку – вне всякого сомнения, своими словами хозяйка только подлила масла в огонь его любопытства и исследовательской страсти.

Здесь снова подтверждается старая истина: любой запрет лишь распаляет в человеке интерес к запретному. Именно такой жгучий интерес я тогда увидел в мистере Шоне.

Будучи гораздо старше его и несколько благоразумнее хотя бы просто в силу жизненного опыта, я спросил хозяйку, почему она столь решительно возражает против нашего похода в «Забоданного оленя».

– Скажу вам, судари, лишь одно. В самой по себе таверне нет ничего дурного. Но она – преддверие ада. Она – эхо прошлого. Она – ворота, пройдя через которые ни один человек не останется прежним.

Сообщив это странное мнение, хозяйка повернулась и пошла к двери, а мой товарищ иронически усмехнулся. На пороге она оглянулась.

– Я оставляю входную дверь незапертой, но только до полуночи. После двенадцати я в гостиницу никого не пущу. Даже вас, милостивые судари.

Прежде чем мы успели ответить, она вышла из комнаты, демонстративно хлопнув дверью. Я взглянул на Габриеля – он так и сиял.

– Ну же, Халлам, пошевеливайся! Мы немедленно отправляемся в это гнездилище порока. В этот храм греха.

– А стоит ли? Все-таки местные знания лучше не игнорировать, тебе не кажется?

– Да не будет там ничего такого, что могло бы ужаснуть или удивить людей вроде нас с тобой, Морис. Ну развлекаются крестьяне, как умеют. Немного беззаконной похоти. Немного невоздержанности, приукрашенной суеверием. Брашов мне надоел, скучный мещанский городишко. Давай сегодня окунемся в темные воды. Давай доставим себе удовольствие – посмотрим, что скрывается в тенях.

Разумеется, отказать Габриелю я не смог, обезоруженный его очаровательной улыбкой.

Нарядившись для похода на предполагаемую ярмарку порока настолько экстравагантно, насколько хватило смелости, мы покинули гостиницу (где хозяйка, несомненно, сейчас молилась о спасении наших душ) и зашагали в сторону «Забоданного оленя». Несмотря на темноту и такой холод, что изо рта валил пар, прогулка оказалась довольно приятной. Я шел по тихим улицам Брашова с этим удивительным человеком, чье капризное своеволие, недавно проявленное, не вызвало у меня ни раздражения, ни досады (которые непременно вскипели бы во мне, будь на его месте кто-нибудь другой), а вызвало лишь необычайное чувство снисхождения.

Даже сейчас, в первом пылу влюбленности, я со всей ясностью понимаю: развитие такой привязанности с моей стороны неизбежно приведет к тому, что я останусь в одиночестве, с разбитым сердцем.

Однако, как старый актер, я готов играть роль, написанную судьбой. Я всегда буду там, где прикажет сей незримый драматург, и покину сцену ровно в тот миг, когда он решит, что мне настало время уйти.

Чем дальше мы шли, тем более неприятными, ветхими и бедными становились дома вокруг. Вдали от уютной городской площади и сумрачно-величественной Черной церкви атмосфера заметно изменилась. Пристальные взоры, обращенные на нас из густых теней, были откровенно враждебными. Обитатели этих кварталов казались людьми совсем другого разряда, чем наша добродушная хозяйка. Мужчины, стоявшие впривалку к стенам, смотрели на нас

с завистью и презрением, а женщины устремляли тоскливые взгляды из-под набрякших век. Уныние, безнадежность и уродливая нищета царили здесь. Я бы с огромной радостью повернул обратно и возвратился на более безопасные улицы, но Габриэль шагал вперед с такой веселой решимостью, что у меня хватило ума даже и не предлагать пойти на попятный.

Достигнув наконец самого края города, мы увидели большое прямоугольное строение, сильно смахивающее на амбар. Перед ним стоял столб с потрескавшейся, выцветшей вывеской, что раскачивалась на холодном вечернем ветру. Позади смутно различалась полузаброшенная узкая дорога, исчезающая в темном дремучем лесу. А дальше были только горы.

Из таверны доносился приглушенный гул разговоров и шум веселья. Но звуки эти навели меня на мысль не о веселом празднестве, а об осином гнезде, угрожающе гудящем при приближении человека.

Мы немного помедлили перед заведением, характер которого безошибочно угадывался уже по одному внешнему облику. На мгновение мне даже вообразилось, что Габриэль готов совершить *volte-face*¹⁶, что его небрежная бравада улетучилась перед лицом разлитой в воздухе угрозы. Но я ошибся. Он пристально взгляделся в густой мрак деревьев и, казалось, принюхался, словно зверь, почуявший опасность.

– Завораживает, правда? Темный, глухой, безмолвный.

– Ты про лес?

Он кивнул:

– Интересно, каково оно, вступить в это древнее лесное царство? Вольно блуждать среди дикой природы?

Я собирался ответить, что, вероятно, на деле все окажется гораздо менее романтично, чем представляется в мечтах, но внезапно где-то рядом раздался низкий горловой звук – рычание зверя, вне всякого сомнения.

Я придвинулся ближе к своему спутнику:

– Габриэль?

Из темноты, бесшумно ступая, вышел крупный серый волк. Густая свалывшаяся шерсть. Горящие в ночи глаза. Раскрытая пасть с острыми желтыми клыками и длинные нити слюны, свисающие из нее. Объятый ледяным первобытным страхом, я оцепенел, не в силах ни пошевелиться, ни заговорить.

К моему ужасу, зверь снова зарычал, напряжился и прыгнул. Я ничуть не усомнился, что он намерен загрызть нас обоих. В голове магниевой вспышкой мелькнула нелепая мысль: я должен был умереть в какой-нибудь лондонской тюрьме, а вовсе не в Трансильвании, не в такой дали от родины.

Однако в следующий миг произошло нечто удивительное. Габриэль Шон выбросил вперед руку и резко крикнул:

– Нет! Не сегодня!

Это оказало на волка совершенно поразительное действие: уже летящий в прыжке, он вдруг словно бы врезался в некую незримую стену и упал на все четыре лапы, рыча от гнева и разочарования. После чего порысил прочь с таким пристыженным видом, будто только что претерпел необычайное унижение.

Я ошеломленно уставился на Габриеля, чье лицо сейчас блестело от испарины, и почти благоговейно выдохнул его имя.

– Что это было?

– Морис, дружище, понятия не имею. Я действовал инстинктивно – вероятно, хотел испугать или отвлечь зверя. Но такого результата и близко не ожидал.

¹⁶ *Volte-face* – полный поворот, резкая перемена (*фр.*).

Габриель дрожал всем телом, руки тряслись – оно и понятно, ведь мы только что чудом избежали смерти. Он снова улыбнулся – мне показалось, с облегчением, – и я сумел выдавить ответную улыбку.

– Ну что ж, – сказал мой спаситель, – полагаю, после такой встречи мы заслуживаем по меньшей мере глотка спиртного.

Не дожидаясь моего ответа и даже не оглядываясь, он направился к дверям таверны и вошел внутрь с целеустремленностью человека, жаждущего выпить. Я покорно поплелся за ним.

В силу моего разгульного образа жизни мне приходилось посещать притоны самого низкого, самого гнусного пошиба. Едва ли не с отрочества я был завсегдатаем особых секретных комнат, любителем постыдных, нечестивых удовольствий. И, будучи обладателем богатого опыта по части злочных мест, я испытал немалое разочарование, когда моим глазам предстала внутренность таверны.

Вопреки красочным заверениям нашей хозяйки, «Забоданный олень» выглядел обычной деревенской таверной, где собирается разный трудовой люд. Возможно, она была чуть грязнее нескольких подобного же рода заведений, расположенных в городском центре, но во всех прочих отношениях ничем от них не отличалась: грубые столы на козлах, смешанный запах пота, теплого пива и жареного мяса, устланный соломой пол, треск огня в камине. Более того, мы с Габриелем не вызвали никакого интереса у сидевшей там толпы пролетариев, которые едва подняли глаза от своих кружек при появлении двух модно одетых незнакомцев.

Гул разговоров ни на секунду не стал тише, и слабое любопытство, к нам проявленное, почти сразу угасло. При других обстоятельствах, в какой-нибудь менее зловещий вечер подобное безразличие чрезвычайно меня удивило бы. Сегодня же я просто порадовался очевидной заурядности таверны. Рядом с дверью был незанятый столик, и я с размаху сел на стул возле него. Габриель последовал моему примеру. Мы обменялись нервными усмешками, которые лучше всяких слов свидетельствовали о нашем душевном состоянии, и сидели молча, пока к нам не подошла подавальщица, грузная пожилая женщина во всем черном, как в трауре. Она вытирала потное лицо платком, грязнее которого я в жизни не видел.

По-английски она не говорила, только на родном языке. При помощи мимики и жестов нам удалось сделать основной заказ: пиво для обоих и две порции того, что она, насколько я понял, отрекомендовала как фирменное блюдо. Когда мы закончили наше представление, женщина игриво улыбнулась, и я вдруг уловил в ее глазах и в почти детской складке губ нечто, заставившее меня осознать, что возраст у нее далеко не такой солидный, как мне показалось поначалу. На самом деле она была даже моложе моего спутника. Ох, какая же тяжелая жизнь в этих краях. Какая жестокая. Какая беспощадная.

Нервное возбуждение, владевшее нами, потихоньку отпускало, даже недавняя встреча с хищным зверем уже начинала представляться происшествием скорее анекдотическим, и наконец мы более или менее успокоились.

Как оказалось – ненадолго.

Никто из присутствующих по-прежнему не обращал на нас ни малейшего внимания. Потягивая дешевое, но отменного качества пиво, принесенное нам, и смакуя жареное мясо, поданное следом, мы с Габриелем разговаривали на разные темы. Я рассказывал о своем прошлом – о больших лондонских театрах, о ролях, которые играл и о которых мечтал, о скандалах и слухах, о безрассудных связях и угасших любовях. Когда мы, утолив первый голод, уже не налегали на еду, а просто лениво ковырялись в тарелках; когда перешли к напиткам покрепче и слегка захмелели, тогда заговорил Габриель Шон – но не о прошлом, а о своих надеждах на будущее.

– После смерти благодетеля, – начал он совершенно нейтральным тоном, за которым, я знал, скрывались очень и очень сложные чувства, – я остро осознал, что мне не хватает цели в жизни. Обладая практически полной финансовой свободой, я много путешествовал по миру – отчасти именно в надежде найти свое предназначение. Какую-нибудь великую, благородную цель. Смысл жизни.

Он незаметно перешел на возвышенный, чуть ли не напыщенный тон, подобный которому принимает начинающий провинциальный политик, когда оттачивает свое ораторское мастерство перед каким-нибудь лесным пнем.

– Я много поездил и много повидал, – продолжал Габриель. – Гораздо больше, чем мог представить еще несколько лет назад. От притонов Марракеша до салонов Парижа, от красот швейцарских долин до девственного покоя итальянских озер. Но никакие зрелища не могли насытить мою душу. Где бы я ни оказался, я не видел там ничего такого, что не видели бы тысячи богатых людей до меня. Я жажду новизны, Морис. Новизны и всего неизведанного. Дикой первозданности! Хочу вступить на запретные территории и презреть правила цивилизованного общества. Хочу свернуть с проторенной дороги между деревьев и ринуться в темную лесную чащу.

Когда этот очаровательный монолог подходил к концу, я вдруг заметил перемену в атмосфере таверны: вокруг нарастала тишина, нарастало непонятное напряжение – словно произошло что-то неприятное.

Едва лишь мой друг завершил свою тираду, на наш стол упала тень. Мы одновременно подняли глаза, ожидая увидеть либо нашу подавальщицу, либо какого-нибудь осмелевшего мужлана.

Однако взорам нашим явилось нечто совершенно неожиданное, больше похожее на прекрасное видение из многомерного мира снов, нежели на обитателя линейного реального мира. Перед нами стояла молодая женщина, во всем столь же далекая от нашей подавальщицы, сколь далека изысканная лилия от сорного чертополоха. Определенно не старше двадцати трех лет, высокая и стройная, с синими глазами, длинными угольно-черными волосами и восхитительными формами, которые не скрывал даже охотничий костюм.

Держалась красавица спокойно и высокомерно, но в ее движениях угадывалась гибкая грация кошки. Она производила такое ошеломительное впечатление, как если бы вышла из многокрасочной фрески прошлых времен и, неся с собой все богатство истории, вступила в серое настоящее. Она приветственно улыбнулась сомкнутыми губами. От нее исходили токи чувственности, эманации эротизма, которые я, всегда имевший древнегреческие вкусы, ощутил вполне отчетливо. На любого джентльмена она оказала бы совершенно неотразимое действие – примерно такое, какое оказывает ароматнейший, сладчайший нектар на невинную пчелку.

Тем более странным мне показалось, что все эти жалкие деревенские кутилы вокруг явно старались не смотреть на нее. Одни еще сильнее сгорбились над своими кружками, другие уперлись взглядом в пол, третьи уставились в пустоту перед собой.

Столь откровенная неприязнь к этому прекрасному созданию шла вразрез со всеми репродуктивными законами природы, обеспечивающими продолжение человеческого рода.

Женщина обратилась к нам на очень хорошем английском, пускай несколько архаичном и с сильным акцентом.

– Прошу прощения, господа, что вторгаюсь в вашу беседу, но слух у меня чуткий, и я невольно услышала ваши слова.

Да уж, подумал я, слух у нее и впрямь остроты небывалой, если она умудрилась разбирать наши речи в общем гуле голосов. Габриель, мгновенно признавший в незнакомке особу, наделенную еще большим обаянием, чем он сам, был положительно очарован.

– О, не стоит извинений, мадам. Позвольте представиться: Габриель Шон. А это мой товарищ мистер Морис Халлам, актер. Не угодно ли присоединиться к нам?

– Благодарствуйте, – ответила она. – Но, к сожалению, сейчас у меня нет времени, вдобавок я никогда не ужинаю. Рада познакомиться с вами. Мое имя Илеана.

Мы оба пробормотали какие-то вежливые банальности в том духе, что и мы премного счастливы знакомству, а затем Габриель продолжил:

– Вы сказали, мадам, что случайно услышали наш разговор. Следует ли понимать, что нечто в нем привлекло ваше внимание?

Женщина наклонила темноволосую голову с притворно смущенным, преувеличенно застенчивым видом:

– Вы правы. Я слышала, как вы говорите о жажде вашей души. О вашей безудержной тяге к запретному и неведомому. О страстной мечте увидеть тайные уголки мира.

– Да, все верно. Но почему вас это заинтересовало?

– Я иногда подражаюсь проводником, – сказала она. – К любознательным путешественникам, которые отваживаются углубиться далеко в горы, дабы увидеть то, что там находится. Мне кажется, если вы жаждете воплотить свою мечту, вам нужен такой человек, как я, чтобы показать дорогу.

Мы с Габриелем переглянулись. В то время как я был исполнен скепсиса и сомнения, он определенно загорелся идеей.

– Расскажите побольше, пожалуйста.

Женщина улыбнулась своей хищной сомкнутой улыбкой:

– В нескольких днях пути отсюда есть одно место – древнее, заброшенное, жуткое. Давным-давно там обитал один наш великородный соплеменник. Кровавый правитель, внушавший всем страх и преданность. Он прожил гораздо дольше отпущенного человеку срока, и вокруг него сложилось много фантастических легенд. Даже в наше время люди верят, что это мрачное строение – полуразрушенное, заросшее плющом – хранит в своих осыпающихся стенах великую и чудесную тайну.

– Какую же? – поинтересовался я, иронически вздернув бровь.

– Тайну вечной жизни, – ответила она с поразительной невозмутимостью.

Габриель задохнулся от восторга.

– Как называется это место? – Возбуждение пульсировало в каждом слове.

Она пристально устремила на нас синие глаза и негромко произнесла два слова:

– Замок Дракулы.

Таким вот странным образом определился наш новый курс.

Час поздний, очень поздний. Мы вернулись в отель до полуночи, как и велела хозяйка. Как только мы условились встретиться с Илеаной (фамилия остается неизвестной) завтра на рассвете, молодая женщина попрощалась с нами и покинула питейное заведение, к заметному облегчению посетителей. После ее ухода мы еще острее почувствовали себя нежеланными гостями, а потому быстро допили пиво и отправились восвояси.

Габриель, обуреваемый щенячьим радикализмом, расценивает предстоящую экспедицию как долгожданную возможность показать кукиш общественным предрассудкам. Я же его воодушевления не разделяю, поскольку вижу слишком много странностей в предложенном плане действий и слишком много умышленных недомолвок со стороны нашей новой знакомой, чтобы испытывать что-либо, кроме сильной тревоги. Однако я поклялся себе всегда оставаться рядом с Габриелем – решение, принятое мной, вероятно, не только из плотских побуждений, но также из желания защищать и оберегать моего молодого друга.

Завтра я пойду с ним на встречу с Илеаной, и втроем мы направимся через темные леса в дикие горы, чтобы своими глазами увидеть таинственный древний замок, овеянный леген-

дами. Все во мне кричит, что это безумие, но я последую за Габриелем без всяких колебаний и вопросов. Такова уж природа любви, верно?

Писал очень долго, устал страшно. Теперь в постель и спать. Господи, только бы мне не приснился ужасный волк с горящими глазами.

Письмо, оставленное на столе в домашнем кабинете Арнольда Солтера¹⁷

11 ноября

Дорогая миссис Эмерсон! Полагаю, именно Вы найдете мое письмо, и, несомненно, оно Вас несколько расстроит, за что приношу свои искренние извинения.

По крайней мере, я решил сделать все вдали от дома. Знаю, Вы ненавидите сюрпризы и неожиданные неприятности. Кроме того, Вы всегда служили мне верой и правдой. Мне никогда не пришлось бы в голову отяготить Вашу жизнь таким прискорбным событием, как обнаружение моего трупа.

Надеюсь, миссис Э., Вы не очень шокированы. Вот уже два года со мной нет моей Мэри, и это были чертовски тяжелые годы.

В моей жизни нет любви. Службу я давно оставил. Я состарился, меня ничто не радует. Я почти не узнаю в этой стране Англию моей молодости. Нынешнее поколение напрочь лишено предприимчивости и энтузиазма, в свое время свойственных нам, и нация неумолимо погружается в косность, бессилие и смятение.

Знайте, решение далось мне нелегко. Ко времени, когда Вы будете читать эти строки, я уже буду спать вечным сном на дне Темзы, с набитыми камнями карманами.

В верхнем ящике стола Вы найдете конверт с распоряжениями касательно моего состояния. Пожалуйста, отдайте его моему поверенному. Под конвертом найдете некоторую сумму наличными. Это – Вам, с глубокой благодарностью за верную службу. Надеюсь, эти деньги позволят Вам наконец задуматься о том, чтобы уйти на покой.

С благодарностью,

Арнольд Солтер

Из дневника Арнольда Солтера

12 ноября. Ну и дела. Я начинаю дневник.

Черт меня побери, такого я от себя совсем не ожидал. Главным образом (скажем прямо) потому, что предполагал умереть еще вчера.

Я уже присмотрел место последнего упокоения. Вернее, место на набережной, откуда намеревался сигануть в Темзу. Я даже оставил предсмертную записку в виде письма, адресованного преданной миссис Эмерсон.

Признаться, я испытал облегчение, когда поставил последнюю точку и отложил перо. Но вот он я, целый и невредимый утром следующего дня, заполняю первую страницу нового дневника и собираюсь начать новую главу жизни.

Должен объяснить.

Приведя свои дела в порядок, я вышел из дома и направился к набережной. По пути время от времени останавливался и подбирал с земли камни, причем только гладкие. Несмотря на серьезность момента, я превратил это в своего рода игру: тщательно выбирал самые лучшие окатыши и взвешивал каждый в ладони, прежде чем положить в карман сюртука. Это нехитрое развлечение доставляло мне почти детскую радость.

¹⁷ Заместитель главного редактора «Пэлл-Мэлл газетт» (1888–1901).

С другой стороны, размышлял я, в наше время нечасто видишь настоящих детей, которые бы развлекались таким вот незатейливым образом на свежем воздухе, не говоря уже о том, чтобы вольно бегали по улицам. Мы живем в печальном и циничном мире, где подобное невинное времяпрепровождение не приветствуется.

Нагруженный камнями, я дошел до облюбованного места на набережной – безлюдного, если не считать редких прохожих, и плохо освещенного. Часть ограды там была выломана.

Полагаю, в моей походке даже появилась пружинистая легкость, когда я приблизился к месту, где намеревался отжаться на милость реки. Я остановился, глянул по сторонам, шагнул на каменный выступ за проломом в ограде и посмотрел вниз, на бурливую воду Темзы. В отдалении буксир тянул вереницу баржей, и при виде этой картины на меня снизошел покой: ведь очень скоро я освобожусь от всех забот этого мира.

Я подумал о прошлом, о прежней жизни. О счастье, отнятом у меня. Я не испытывал никаких сомнений, вообще ничего подобного. На самом деле беглый мысленный обзор моего нынешнего существования лишь сильнее убедил меня в том, что нужно сейчас же прыгнуть и покончить со всем этим.

Я уже приготовился так и сделать, когда вдруг совсем рядом прозвучали три неожиданных слова, произнесенных с невозмутимой аристократической протяжностью.

– Прошу прощения, сэр?

Поскольку я уже подался вперед для прыжка, сначала мне пришлось восстановить равновесие, судорожно взмахивая руками, что чертова курица крыльями, после чего я повернулся даже не без достоинства.

Поблизости от меня стоял незнакомец – сухощавый пожилой господин с густыми изогнутыми бровями, одетый в сюртук, вышедший из моды еще в начале восьмидесятых годов.

Он держал на поводке старого ирландского волкодава, который неодобрительно зарычал, глядя на меня.

Невзирая на обстоятельства, я постарался быть вежливым.

– Да? Чем могу вам помочь?

– Полагаю, дорогой мистер Солтер, мы с вами можем помочь друг другу.

– Мы знакомы, сэр?

– Насколько мне известно, мистер Солтер, мы никогда прежде не встречались. Но возможно, вы меня знаете понаслышке. Возможно, в ходе вашей блистательной карьеры раз или два слышали мое имя. Я лорд Тэнглмир.

Да, теперь смутно припомнилось. Член палаты лордов. Политик, но человек вроде порядочный и честный, представитель старой школы. Чего ему от меня надо, я понятия не имел.

– В чем, собственно, дело? Я тут, видите ли... ну, скажем так, я занят.

– Мистер Солтер, думаю, мы оба прекрасно знаем, что вы замыслили. Тем не менее я прошу минуту вашего внимания, дабы получить возможность предложить вам альтернативу.

Тэнглмир наклонился и ласково потрепал пса по загривку.

– Что имеете в виду?

– В последнее время я с прискорбием наблюдаю, как наша некогда могущественная нация приходит в состояние упадка. Все зарастает сорной травой, мистер Солтер, и полчища варваров подступают к нашим воротам. Нам необходимо вернуть былую славу. Необходимо восстановить свою силу любыми средствами, нам доступными.

– Не могу не согласиться, – сказал я, в то время как мимо с криком пронеслась чайка.

– Так вышло, что я знаю идеальный способ достичь такой цели. Знаю, каким образом вернуть утраченное величие. Но мне потребуется ваша помощь.

– Моя?

– Да, ваша.

Я снова посмотрел вниз, на темную воду. Позади отрывисто гавкнул пес.

– Но... мое решение...

– Можно отменить, – невозмутимо промолвил Тэнглмир. – Англия нуждается в вас, мистер Солтер. У вас все еще есть обязанности и обязательства перед великой страной, давшей вам рождение.

– Но все же... – Снизу доносился призывный смех реки. Ночной ветерок легко, но довольно настойчиво толкал в спину.

– Вы *должны*, мистер Солтер. В конце концов... – Лорд Тэнглмир шагнул ближе. – Разве ваша Мэри не пожелала бы, чтобы вы исполнили свой долг?

– Откуда вы зна... – начал я, но остановился на полуслове и твердо кивнул. – Да, милорд. Пожелала бы.

– Ну вот. Вы нам нужны, мистер Солтер. Нам многое предстоит сделать, если мы хотим спасти эту страну от крушения и гибели. Спасти от людей, которые слишком часто извиняются за поступки, для нас с вами совершенно естественные. От тех, кто ослабляет нашу нацию своей безвольной, бездеятельной мягкостью во имя, как они выражаются, современного цивилизованного общества.

При этих словах я отступил от края набережной и воскликнул с неожиданной для себя самой горячностью:

– Милорд, я согласен с вами по всем пунктам! Глядя на творящееся вокруг, я часто думаю, что Англия в нынешнем состоянии сравнима с Римом периода упадка. Но как же будет осуществлена эта великая задача?

Тэнглмир довольно улыбнулся. Мое сердце екнуло от счастья.

– Скажите, мистер Солтер, вы когда-нибудь слышали о такой примечательной – но не пользующейся должным общественным вниманием – организации, как Совет Этельстана?

– Совет... Да, слышал. Но ничего определенного. Так, смутные слухи.

– Мы – сообщество с наследственным членством, имеющее право в определенных обстоятельствах взять в свои руки управление страной, в обход парламента и палаты лордов.

Я шумно сглотнул.

– При каких именно обстоятельствах такое возможно, милорд?

– В условиях... чрезвычайной ситуации.

– Но, милорд, откуда же она возьмется, чрезвычайная ситуация?

Тэнглмир улыбнулся, а пес тихо зарычал.

– Разве вы не чувствуете, мистер Солтер? Разве не ощущаете каждой своей фиброй? Необходимая нам чрезвычайная ситуация уже назрела.

Письмо Мины Харкер – доктору Джону Сьюворду

13 ноября

Дорогой Джек! Пишу Вам с чувством глубочайшей благодарности, как не раз бывало за долгое время нашего знакомства. Какое же сокровище Ваша мисс Сара-Энн Доуэль! Какая прилежная, милая девушка! Огромное Вам спасибо, что великодушно прислали ее к нам, да еще и изъявили трогательную готовность самолично оплатить ее услуги, хотя в том нет никакой необходимости.

Она прибыла вчера ближе к вечеру, незадолго до сумерек, и сразу же очаровала всех нас своим добрым нравом, скромностью и услужливостью. Квинси (и даже Джонатан) просто без ума от нее!

Хотя мисс Доуэль очень молода (полагаю, ей не больше девятнадцати?), она кажется мне не по возрасту умной и рассудительной. Она уже показала себя превосходной сиделкой и самым своим присутствием значительно подняла настроение всем домашним, оказав на нас поистине животворящее действие.

Увы, состояние профессора остается без изменений. Он по-прежнему в полном беспмятстве. Кто-то из нас – чаще всего милая Сара-Энн – всегда находится рядом с ним. Все мы надеемся, что силы его чудесным образом восстанавливаются, пока он спит, но прогноз неблагоприятный. Наш бестолковый местный доктор наведывался сегодня утром и с мрачным видом сообщил, что голландец продолжает физически угасать. Еще один удар, даже вполупину слабее предыдущего, приведет к фатальному исходу, сказал он.

Пожалуйста, дорогой Джек, приезжайте к нам при первой же возможности. Мы все будем счастливы видеть Вас (Сара-Энн отзывается о Вас в превосходных степенях), но, кроме того, теперь стало совершенно ясно, что Ваши шансы увидеть профессора живым тают с каждым днем.

Остаюсь Ваш добрый и верный друг

Мина Харкер

P. S. Сделайте милость, передайте последние новости Артуру. Нет сил писать два столь печальных письма в один день.

Дневник Мины Харкер

13 ноября. Написала доктору Сьюворду о последних событиях. Не стану повторять здесь удручающие подробности. Достаточно сказать, что, хотя я сообщила Джеку о фактах – о прибытии мисс Доуэль, об остающемся без изменений состоянии профессора, о печальном прогнозе местного врача, – я не открыла всей правды. А именно – правды о моих страхах в связи со зловещими последними словами профессора, об ощущении, что лишь одно внезапное страшное потрясение отделяет нас от его смерти, и, самое главное, о своем необъяснимом беспокойстве по поводу Сары-Энн Доуэль.

Господи, она такая хорошенькая и такая юная. Она напоминает мне хрупкую фарфоровую куколку, под чьей прелестной наружностью скрывается ужасная уязвимость. Джонатан сразу это заметил, хотя и постарался не подать виду. Знаю, это не делает мне чести, но я испытала что-то вроде негодования, когда увидела, как он на нее смотрит. Я уловила в его глазах слабый блеск вожделения. У меня такое чувство (никому в том не признаюсь, только страницам своего дневника), будто вокруг царит атмосфера надвигающейся катастрофы, будто мы проживаем долгие, жаркие, засушливые дни, которые предшествуют яростной грозе.

Почему я так часто вспоминаю последние слова профессора? Произнесенные в бреду, совершенно бессмысленные, они все же прозвучали как предостережение, не правда ли?

Нет-нет, они ничего не значат. Ровным счетом ничего.

Из дневника Арнольда Солтера

14 ноября. У хорошего журналиста профессиональные инстинкты никогда не умирают. Они могут заснуть на время, но в час нужды пробуждаются в полной своей силе.

Меня на мякине не проведешь, и плясать под чужую дудку не заставишь. Поэтому сегодня, в преддверии встречи с моим новым знакомым, лордом Тэнгльмиром, которая должна состояться позже на этой неделе, я нанес визит по адресу: Иден-стрит, 14, где проживает мистер Алистер Клэй.

Он мало изменился с нашей последней встречи в конце девяностых, когда предоставил мне важные сведения о связи лорда Энсбрука с соседской кухаркой. Обходительный и проницательный, наделенный исключительной способностью втираться в доверие, Клэй остается незамеченным источником любой деликатной информации, которая может понадобиться, когда имеешь дело с представителями высших слоев общества.

Он принял меня с обычной любезностью, но я заметил, что он не очень твердо держится на ногах, руки у него иногда дрожат, а вокруг слезящихся глаз появились морщины, которых раньше не было.

Да, черт возьми, старость – штука жестокая и беспощадная.

– Я был удивлен, получив вашу записку, – сказал Клэй, когда мы оба уселись и нам подали по стаканчику какого-то крепкого напитка. В слугах у него рослый красавец, который в продолжение всего разговора бесшумно перемещался между нами, являя собой воплощение благоразумной сдержанности. – Я думал, вы удалились на покой.

– Так и есть. Просто хочу оставаться в курсе вещей. Держать руку на пульсе, так сказать. Клэй внимательно посмотрел на меня:

– Планируете какое-то дельце?

– Я слишком стар, чтобы планировать что-то, кроме собственных чертовых похорон, – ответил я.

Он уныло усмехнулся:

– Что же вам от меня угодно?

– Лорд Тэнглмир, – сказал я. – Вы его знаете?

Клэй прищурился:

– Мне известна его репутация. Ну и встречаться доводилось. Раза четыре, не больше. Он вращается в самых высоких кругах, включая такие, куда нет доступа даже мне.

– Что вы можете о нем сказать?

– Человек порядочный. Патриот. С непоколебимыми убеждениями...

– Но?

– В некоторых своих взглядах он довольно старомоден.

– Ничего подобного, – твердо возразил я.

– И вдобавок...

– Да?

Клэй заколебался, и пока он собирался с ответом, молодой слуга снова подошел к нам и наполнил стаканы.

– Конечно, это всего лишь слухи... причем самого скандального свойства...

– Скажите мне, – потребовал я.

– Поговаривают, он ищет преемника.

– Прошу прощения. Не понял.

– Он всю жизнь отдал служению долгу и теперь хочет не руководить, а подчиняться. Совет Этельстана, в который он входит, вроде бы однажды предлагал ему такую возможность в лице лорда Годаминга.

– Я о нем слышал, – сказал я. – И помню его отца. Говорят, сын не оправдал всех ожиданий. Так кто же сейчас работает с Тэнглмиром? Кто состоит в его фракции? И откуда должен появиться новый лидер?

Клэй развел в стороны дрожащие руки:

– Кто знает? В последние годы я подрастерял связи в верхах. И теперь довольствуюсь лишь разными туманными слухами.

– Но можно ли Тэнглмиру доверять? – спросил я. – Скажите честно.

– В общем-то можно, – осторожно ответил Клэй, – но только если вы страстно желаете того же, чего желает он, а именно: повернуть время вспять и увидеть прежнюю славную Англию.

– А вот за это, – сказал я, – надо непременно выпить.

Мы провозгласили тост и сдвинули стаканы. Даже такое незначительное усилие, казалось, далось Клэю с невероятным трудом. Немного погодя он пожаловался на усталость и отослал

меня прочь. К концу нашего разговора все его тело тряслось и подергивалось, как ни старался он совладать с ним.

Но все, что Клэй рассказал про Тэнглмира и Совет, осталось со мной. Я вижу определенные возможности. Да. Определенные возможности для изменений.

Дневник доктора Сьюворда

(фонографическая запись)

15 ноября. Последние три дня наблюдаю у себя меланхолию, развившуюся до значительной степени. Свое подавленное состояние приписываю нижеследующим обстоятельствам:

- (1) прискорбное физическое угасание профессора Абрахама Ван Хелсинга;
- (2) мой вчерашний разговор с лордом Годалмингом;
- (3) в чем тяжелее всего признаться: отсутствие некой мисс Сары-Энн Доуэль.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что, отправив девушку в Шор-Грин, я сделал единственный морально правильный выбор, возможный в моей ситуации. Я больше не мог закрывать глаза на тот факт, что меня безудержно влечет к ней, что ее прелестное лицо, обрамленное белокурыми локонами, пробуждает во мне страсть, какой я ни разу не испытывал с тех пор, как овдовел. Вольно или невольно обнаружить свои чувства было бы совершенно неправильно и недопустимо с профессиональной точки зрения. Да и в любом случае она на двадцать с лишним лет младше меня и настолько хороша собой, что у меня не было бы ни единого шанса добиться взаимности, даже будь я гораздо моложе.

Я отослал мисс Доуэль прочь как для того, чтобы она оказала помощь Харкерам, так и для того, чтобы не выставлять себя в смешном и нелепом виде, эдаким современным Мальволио¹⁸. Я не сомневаюсь, ничуть не сомневаюсь, что поступил достойно и принял верное решение, пускай и несколько позже, чем хотелось бы в идеале.

Теперь касательно пункта (2) – моей встречи с лордом Годалмингом. Вчера мы поужинали вместе в «Будлзе», одном из нескольких аристократических клубов, в которых состоит благородный лорд. Сразу бросилось в глаза, что он очень бледен и напряжен, совсем не похож на себя. Разумеется, парламентские обязанности отнимают у него уйму времени и сил. Он даже опоздал на ужин, поскольку председательствовал на собрании какого-то совета, наследственным членом которого является. Однако одного этого едва ли достаточно, чтобы объяснить его измученный вид. Мне очень не хотелось причинять Арту дополнительную тревогу, но Мина в своем письме отдала распоряжения, нарушить которые я никогда не осмелился бы.

За вином я коротко доложил ему о неизменном состоянии Ван Хелсинга.

Он мрачно кивнул и сказал с задумчивостью, ставшей для него характерной в последние годы:

– Ну что ж, профессор прожил славную, насыщенную жизнь. Ему не о чем сожалеть. Он сотворил много добра в мире и истребил больше зла, чем кто-либо другой.

Арт значительно взглянул на меня – я прекрасно понимал, о чем он говорит. На мгновение все вокруг перестало существовать для нас, и мы словно оказались в прошлом, в самом разгаре нашего сражения с Трансильванцем, оба снова молодые. Потом эффект прошел, и мы опять были в двадцатом веке – здравомыслящие, практичные джентльмены средних лет.

Я видел, что Арта беспокоит что-то еще, помимо очевидного. Все-таки недавно он узнал радостную новость. Правда, поведение у него совсем не такое, какого ожидаешь от человека,

¹⁸ Мальволио – персонаж комедии Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно» (ок. 1601), напыщенный пожилой мажордом, воображающий, что в него влюблена молодая хозяйка.

который скоро станет отцом. Поначалу он даже не пожелал отвечать на мои расспросы о самочувствии Каролины, об их надеждах и планах на будущее. Уже и ужин нам подали, и выпили мы изрядно, а Арт по-прежнему говорил только о работе, о своем тяжком труде в парламентских рудниках, о своих усилиях по перестройке и модернизации системы.

Я слушал с тем терпеливым спокойствием, которое два десятилетия назад стало краеугольным камнем моей профессиональной практики. В конце концов, однако, мне надоело, что он упорно уклоняется от ответов на мои вопросы, и я – со всей прямоотой и настойчивостью, которые были бы невозможны, не доведись нам столько пережить вместе, – потребовал, чтобы он объяснил причину своего странного поведения. Мои слова прозвучали почти резко, но Арт встрепенулся, точно пробуждаясь от сна.

– Прости, Джек. Мне следовало быть откровенным с тобой с самого начала.

– Но в чем дело? Скажи мне.

– Дело в Кэрри и растущей в ней жизни. Моя жена... плохо переносит беременность. Очень плохо, понимаешь?

– Да? И каковы же симптомы?

– Она часто плачет. Не желает никого видеть, дни напролет проводит в одиночестве. И она говорит... в высшей степени странные вещи.

– Тебе?

– Нет, не мне. Самой себе, полагаю. Или, возможно, Господу Богу. По крайней мере, она это делает, когда думает, что меня нет поблизости.

Я ободряюще взглянул на Арта:

– Подобные случаи не редкость. Беременность часто сопровождается депрессией, особенно у женщин с такой историей, как у твоей жены.

Похоже, мои слова не особо его утешили.

– Хочешь, я посмотрю Кэрри? – спросил я. – Поговорю с ней? Попытаюсь выяснить причину проблемы?

Арт явно ждал от меня именно такого предложения.

– Спасибо, – сказал он, а потом беспокойно добавил: – Значит, по-твоему, с ней ничего необычного не происходит? Я имею в виду... В конце концов... – Он сглотнул и, мне показалось, чуть не поморщился, прежде чем продолжить: – Ты был ее лечащим врачом.

– Разумеется, – кивнул я, после чего между нами возникло неловкое молчание.

Немного погодя беседа возобновилась, и мы заговорили на разные отвлеченные темы, но с такой притворной беззаботностью, которая могла бы обмануть только самого поверхностного наблюдателя. Мы условились, что Кэрри посетит меня в клинике утром семнадцатого числа. Артур упомянул о своем намерении в ближайшее время навестить профессора – я же по очевидным причинам не смог немедленно внести подобную поездку в свой рабочий ежедневник. Чем нисколько не горжусь.

Долго мы не засиделись, распрощались вполне сердечно, но, как всегда, многое между нами осталось недосказанным. После нашей встречи я с головой погрузился в работу, надеясь таким образом рассеять зловещее облако, повисшее надо мной.

* * *

Позднее. Только что пробудился от сна самого откровенного содержания. Не помню, чтобы я хоть раз испытывал столь острое возбуждение с тех пор, как вышел из отрочества. Едва не дрожу от стыда. Каким же дураком я стал. Прежде срока стал типичным старым дураком.

Из личного дневника Мориса Халлама

15 ноября. Любовь ведет человека в самые странные места, в самые темные лощины и на самые высокие плато, открытые всем ветрам.

На другой день после встречи в «Забоданном олене» все шло, как и планировалось. Мы оплатили счета в гостинице (мистер Шон был чрезвычайно щедр) и постарались возможно деликатнее уклониться от прямых ответов на вопросы хозяйки. Я призвал на помощь все свои подзапущенные актерские способности, но сильно сомневаюсь, что она до конца мне поверила. Тем не менее она пожелала нам удачи и взяла с нас слово каждый вечер молиться перед сном – точно мы школьники какие-нибудь!

Когда мы выходили из гостиницы, каждый со своим единственным чемоданом (для современных мужчин мы путешествуем очень налегке), я краем глаза заметил, что эта простая добросердечная женщина размашисто и с чувством осенила себя крестным знамением.

По дороге мы с Габриелем говорили только о вещах легкомысленных и приятных, в последующие дни подобных бесед у нас уже не случалось. В условленном месте и в условленное время мы встретились с Илеаной. Полагаю, мне удалось скрыть разочарование, когда она вышла из тени и хищно улыбнулась нам.

– Ну что, вы готовы? Истинно готовы покинуть знакомый мир и вступить в царство дикой природы? Сбросить покров цивилизации и познать запретное?

– Готовы, – объявил Габриель, и ее улыбка стала шире.

Я же ничего не сказал, и Илеана, должно быть, приняла мое молчание за знак согласия.

Она двинулась прочь, потом оглянулась, призывно махнула рукой и почти прошипела:

– Следуйте за мной.

И вот мы покинули пределы Брашова.

Как описать последующие дни без излишнего драматизма и цветистого пафоса? Постараюсь быть точным и кратким. Задача, однако, не самая простая, поскольку здесь, в сумрачном диком краю, время течет иначе, чем на ярко освещенных городских улицах. Оно кажется спутанным, фрагментарным, и многие подробности последних дней сейчас представляются мне такими далекими и туманными, словно я не был непосредственным участником событий. Любые разговоры, происходившие между нами троими, помню лишь смутными отрывками.

Но одним своим внимательным, пристальным взглядом Илеана умеет внушать спокойствие, при котором все страхи и тревоги кажутся пустыми и нелепыми.

Вот как началось наше путешествие. Мы вышли за черту города, миновав «Забоданного оленя», свернули с каменистой дороги и зашагали через луг к лесу.

Когда приблизились к деревьям, Илеана предупредила:

– Держитесь тропы. Ни шагу в сторону без моего разрешения.

Вступив под лесной полог, мы оказались в совсем другом мире: тихом, влажном, прохладном. Поначалу тишину нарушали лишь шорохи в густом подросе, где обитала разная мелкая живность, которая испуганно бросалась врассыпную при нашем приближении.

Илеана энергично шагала впереди, стройная гибкая фигура среди деревьев. Немного спустя она остановилась и знаком подозвала нас:

– Подойдите. Вас нужно правильно снарядить для путешествия. Подготовить должным образом.

Мы с Габриелем переглянулись – и почувствовали что-то вроде всплеска того веселого, живого взаимопонимания, которое возникло между нами еще при первой встрече. Потом он посерьезнел лицом и двинулся дальше, а я последовал за ним.

Мы шли, наверное, часа два по узкой тропе между частыми деревьями, и к исходу второго часа Илеана выглядела точно так же, как в самом начале пути: все такая же бледная и обо-

льстительная. Габриель был в легкой испарине и обнаруживал признаки небольшой усталости, а я задыхался, отдувался и отчаянно мечтал о привале. Одежда на мне насквозь промокла от пота и противно липла к телу.

Наконец мы достигли поляны, на краю которой был разбит лагерь. Он состоял из трех темно-красных фургонов, поставленных грубым подобием полукруга, в центре тлел костер, а возле него сидели четверо молодых мужчин. При нашем появлении из фургонов высыпали и другие обитатели лагеря, преимущественно мужчины, но были среди них и несколько старообразных женщин измученного вида. Дюжина этих человеческих особей подозрительно наблюдала за нашим приближением. Все в грязной одежде, с всклокоченными волосами, страшно неряшливые. С немытыми низколобыми лицами, по которым Ломброзо мог бы исследовать черепные характеристики народа¹⁹, известного под названием...

– Цыгане, – выдохнул Габриель. В его голосе явственно послышалось мальчишеское удовольствие, словно он воображал себя героем авантюрного романа, в котором белый человек отправляется в неведомые края за сокровищами и в ходе своих путешествий заслуживает уважение туземцев.

– Это зганы, – сказала Илеана и повелительно подняла руку, приказывая нам остановиться и стоять на месте. – Они снабдят нас всем необходимым. Но разговаривать с ними буду я одна.

Она обратилась к ним на резком, немелодичном языке румынского народа. Впрочем, в этих drobных перекатах твердых слогов есть своеобразное очарование.

При первой же фразе цыгане – или «зганы» на местном наречии – попятились с преувеличенно почтительным видом. Илеана отдала какие-то приказы (во всяком случае, я так понял по интонациям), и две женщины торопливо отошли от костра и скрылись в одном из фургонов. Никаких знакомых слов я в монологе нашей проводницы не различил, но одно повторялось необычайно часто: «стригой». Понятия не имею, что оно значит, но у меня возникло смутное впечатление, будто где-то я его уже слышал.

Завершив свою речь, Илеана отступила на шаг назад и приняла странную позу: лицом к цыганам, одна рука вытянута в сторону, прямо перед нами. Означал ли тот жест, что мы под ее защитой или что мы ее собственность, я не знал (хотя теперь уже догадываюсь).

Чтобы заполнить молчание, один из мужчин достал старую обшарпанную скрипку и принялся извлекать из нее тоскливую мелодию, которая, казалось, говорила о пустынных дорогах, полных опасностей горах, потерянных жизнях и невозможности настоящей любви. Я, уже несколько отдышавшийся, повернулся к Габриелю и процитировал строки Шекспира: «Ты не пугайся: остров полон звуков – и шелеста, и шепота, и пенья; они приятны, нет от них вреда»²⁰. Он кивнул, но, зачарованный музыкой, ничего не ответил. Признаюсь, я испугался не на шутку, когда мы вошли на цыганскую стоянку. Если бы нас не сопровождала грозная Илеана, несомненно, дело приняло бы совсем другой оборот.

Наконец из фургона показалась женщина с охапкой одежды и парой потрепанных заплечных мешков. Илеана указала на эту кучу тряпья:

– Это для вас. Переоденьтесь. Переложите вещи из чемоданов в котомки. Свои костюмы оставите в подарок зганам.

Я было запротестовал против такого унижения, но Габриель остановил меня.

– Раз так надо, значит надо, дорогой Морис.

¹⁹ Итальянский психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо (1835–1909) разработал концепцию физиологически-психического «преступного типа», предполагающую существование особого типа людей, биологически предрасположенных к преступлениям. Согласно теории Ломброзо, таких «прирожденных преступников» легко обнаружить по определенным физическим признакам, прежде всего по форме черепа, чертам лица, морщинам и т. п.

²⁰ У. Шекспир. Буря. Акт III, сц. 2. Перев. М. Донского.

По здравом размышлении мне пришлось признать, что для похода по горам предложенные нам наряды подходят гораздо больше, чем наши городские костюмы.

– А где нам переодеваться? – спросил я, ожидая, что нас отведут в один из фургонов или по крайней мере в какой-нибудь укромный загончик.

Но Илеана улыбнулась:

– Здесь. Прямо здесь и переодевайтесь.

Я ошеломленно уставился на нее, а Габриель рассмеялся:

– Да ладно тебе, Морис! Если у них так принято, надо почтить обычай. Давай останемся джентльменами. Останемся людьми цивилизованными.

И в нарушение всех английских приличий он принялся раздеваться. При виде этого скрипач заиграл бойчее, и музыкальные каденции зазвучали почти насмешливо. Я неохотно последовал примеру Габриеля, к мрачному восторгу цыганской шайки и к удовлетворению Илеаны, выразившемуся в загадочной улыбке.

Вскоре мы покинули стоянку – в серой прочной одежде, какую носят местные крестьяне, и с дерюжными заплечными мешками, где лежали наши немногочисленные вещи.

– Ну вот, теперь вы готовы, – промурлыкала Илеана, и я действительно чувствовал, что в нас с Габриелем произошла какая-то важная перемена, необходимая для допуска в мир дикой природы.

О последовавших затем долгих, изнурительных часах пешего пути, когда мы продвигались все глубже и глубже в лес, ощущая себя не столько отважными исследователями, сколько испуганными детьми из какой-то страшной сказки, и рассказать-то особо нечего.

Лишь раз мы сделали короткий привал, чтобы перекусить. Илеана выдала нам хлеб с сыром и с нескрываемым презрением смотрела, как мы жадно уплетаем нехитрую пищу.

Сама она, должно быть, ела втихомолку, за нашими спинами, ибо я ни разу не видел ее за этим занятием. Она полна секретов и вызывает у любого наблюдателя множество вопросов, ответы на которые, подозреваю, лучше и не знать.

Мы шли, и шли, и шли. Куда ни глянь, кругом одни деревья, и ничего больше. Стволы, листва, корни, ветви – древесное изобилие, поглощающее свет и создающее в этом девственном лесу вечные сумерки. Мы трое стали тенями, уходящими все дальше в царство теней.

Наконец мы остановились на ночлег. Разожгли костерок и улеглись вокруг него.

– Не бойтесь, здесь вы в полной безопасности, – сказала Илеана, когда мы с Габриелем с несчастным видом завернулись в одеяла и уставились на пляшущие языки пламени. – Ни один зверь не приблизится, они боятся огня. Вы оба под моей защитой, господа.

Мы с Габриелем настолько устали за день, что заснули почти сразу, даже не думая об опасностях, таящихся в лесной глуши, куда нас привело собственное безрассудство.

Следующий день ничем не отличался от первого: такое же утомительное путешествие по малохоженной, изрядно заросшей тропе.

Никаких разговоров между нами троими не велось, но мы с Габриелем изредка перекидывались красноречивыми взглядами. Возможности остаться наедине, чтобы возобновить привычное откровенное общение, у нас не было.

Один раз, после полудня, Илеана остановилась и низко нагнулась, разглядывая притоптанную траву у обочины. Она провела по траве ладонью, будто погладила, а потом выпрямилась и пробормотала:

– Здесь недавно проходил человек. Кто-то, кого я не знаю.

– Вы поняли это по нескольким примятым травинкам? – спросил Габриель.

Илеана смерила его презрительным взглядом профессионала, вынужденного отвечать на глупые вопросы любителя.

– Все мои чувства восприятия чрезвычайно обострены, мистер Шон. Я много лет оттачивала охотничьи навыки.

Перед самым наступлением темноты мы встали на ночевку. Габриель и я занялись костром. По непонятной причине мой товарищ прятал глаза и избегал разговаривать со мной. На несколько минут мы потеряли нашу темноволосую проводницу из виду. Когда огонь начал разгораться, она вернулась и принесла двух жирных кроликов с аккуратно свернутыми шеями.

Как ей удалось поймать их за столь короткое время, я совершенно не представляю, хотя и помню, что она говорила про свои охотничьи способности. В тот вечер мы сытно поели; правда, сама Илеана опять воздержалась. Зато, пока мы рвали зубами мягкое кроличье мясо, она рассказала нам столько всего интересного, сколько никогда не рассказывала ни прежде, ни впоследствии. Об истории Трансильвании, о местном народе и господарях, о войне с турецкими захватчиками, о храбрости и смекалке Сажателя-на-кол.

Несмотря на крайнюю усталость, мы слушали с жадным вниманием, точно дети, сидящие у ног сказочника. Согретые костром, полные впечатлений от рассказов о кровопролитных сражениях, отваге и героизме, мы заснули крепким, мирным сном, хотя меня, признаться, слегка беспокоило одно обстоятельство: мне казалось, будто между Габриелем и Илеаной возникла и крепнет взаимная симпатия.

Прошел еще один день нашего путешествия, и мы наконец приблизились к окраине леса. Мало-помалу деревья начали редеть, и просветы неба среди ветвей становились все шире. Я заметил, что наша маленькая компания разделилась: Габриель с Илеаной все чаще уходили вперед, занятые разговором, а я, старый и одышливый, изо всех сил старался не просто не отстать, а не свалиться замертво. Во мне нарастала знакомая муторная тревога – предчувствие предательства.

И вот мы остановились на очередной ночлег, теперь уже на самом краю леса, у подножья Карпатских гор. Когда мы уселись ужинать у костра, Илеана снова заговорила о прошлом – на сей раз об исконных владельцах замка, к которому мы держали путь.

– Род Дракул некогда славился своей смелостью и благородством, – начала она, возвысив свой мелодичный голос над треском костра. – В давние времена они неизменно оказывали заботу и защиту своим подданным. Однако с течением веков что-то в них испортилось, усохло. Они стали жестокими, алчными и утратили всякое милосердие. О них ходили самые странные истории, разносились самые дикие слухи. Кто знает теперь, что правда, а что нет? Последний из Дракул умер в прошлом веке. Наследников не осталось. Родовой замок пустует и разрушается. Обычные люди не смеют туда соваться, но мы с вами, друзья мои, люди далеко не обычные. Мы презираем и отвергаем все заурядное.

В продолжение всей этой речи я следил не столько за Илеаной, сколько за своим другом. На лице Габриеля отражалось восторженное внимание и доверчивое обожание – я и не предполагал, что он способен на такие эмоции. Невзирая на изнеможение, спал я плохо: то и дело просыпался от дурных снов и неловко ворочался, одолеваемый страхами и сомнениями.

Даже сейчас я не уверен, действительно ли я видел после полуночи все, что опишу ниже, или же то была сонная фантазия, галлюцинация, порожденная усталостью и тревогой.

Так или иначе, у меня полное впечатление, что я пробудился среди ночи и глазам моим предстало в высшей степени странное зрелище: наша проводница, совершенно голая, стояла перед костром, воздев руки в подобии торжественного жреческого жеста. Я совсем не любитель женской наготы, но при виде Илеаны даже я невольно исполнился восхищения. Ее поджарое мускулистое тело блестело от пота, но оно было также и соблазнительно женственным: упругие груди с крупными твердыми сосками, плавные изгибы бедер, таинственная густая тень в низу живота. У меня перехватило дыхание, словно я, подобно Пигмалиону, лицезрел идеальную статую, ожившую чудесным образом. Ну разве может мужчина традиционных взглядов устоять перед такой женщиной?

Илеана бормотала какие-то непонятные слова, вероятно на своем родном наречии, среди которых я разобрал лишь одно знакомое: «стригой».

Я лежал неподвижно, полный неясных безымянных страхов, и наблюдал за диковинной сценой из-под полуприкрытых век, чтобы женщина не заметила. Однако обмануть ее мне не удалось. Уже через считанные секунды после моего пробуждения она потянула носом, принюхиваясь, а потом резко повернулась ко мне. Я увидел, что по глубокой ложбинке у нее между грудями стекает струйка какой-то жидкости. Илеана одним прыжком очутилась возле меня, присела на корточки. Она впервые оказалась так близко, и я ощутил ее запах: металлический, кисловатый и... какой-то древний, что ли.

Я не мог пошелохнуться. Оцепенел, как кролик перед удавом. Ее мягкие пальцы погладили мое лицо. Ее дыхание, странно прохладное, зашепотало мою кожу.

– Спи, – шепнула она. – Спи, Морис Халлам. Тебе здесь смотреть нечего.

Пока она говорила, перед моими глазами все поплыло, потемнело, и я погрузился в дремотное забытие.

Даже не знаю, как истолковать картину, которая явилась мне, когда я полуочнулся от сна позже, в глухой предрассветный час.

Сейчас я стараюсь убедить себя, что мне просто приснился кошмар, только очень реалистичный. Но я не уверен. Далеко не уверен.

Вот что я мельком увидел, когда на несколько мгновений вынырнул из дремы: Илеана, по-прежнему голая, сидела верхом на Габриеле, и оба вскрикивали. Их тела, озаренные бешено пляшущим пламенем, были измазаны кровью, блестящей в свете костра. Вокруг них метались причудливые тени, и мне даже на миг померещилось, будто на спине у женщины распахнулись два широких черных крыла.

Однако мгновение спустя видение померкло, и больше я ничего не помню.

Когда я пробудился в следующий раз, уже занимался рассвет, и наша стоянка выглядела совершенно обычно. Габриель все еще спал, с самым безмятежным выражением лица. Илеана, снова одетая (если, конечно, она вообще раздевалась ночью), сидела у костра.

– Доброе утро, мистер Халлам, – улыбнулась она, и я промямлил «доброе утро».

Она указала на горы, вздымавшиеся могучей стеной перед нами.

– Сегодня начнем восхождение. Вы готовы следовать со мной к Замку?

Во рту у меня было сухо. Я тяжело сглотнул и выдавил жалкое, хриплое «да». Я собирался задать Илеане пару вопросов по поводу ночных сцен – клянусь, без малейшего осуждения или чего-то вроде, – но тут проснулся Габриель, и новый день по-настоящему начался, а вся смелость, какая во мне была, бесследно испарилась.

Выступаем через несколько минут. Эту запись я торопливо сделал в последний час нашей стоянки. Мы полностью готовы к пути. Илеана призывно взмахивает рукой. Сейчас начнется восхождение, и нас ждет страшная встреча с родовым гнездом покойного графа Дракулы. Возможно, это прозвучит глупо, но если бы у меня осталась хоть капля веры во всемогущего Господа, я бы сегодня молился Ему неустанно.

Из дневника Арнольда Солтера

16 ноября. Грейт-Рассел-стрит, убогая кофейня под сенью Музея. Если верить облупленной вывеске над дверью, называется заведение «Лошадиная поилка».

Именно там я встретился с лордом Тэнгммиром сегодня в начале шестого. Он прибыл раньше условленного часа и сидел в углу неожиданно просторного зала; на столе перед ним уже стоял чайник.

В липком спертом воздухе висел запах дешевого табака. Больше в кофейне никого не было, кроме двух пожилых дам, занятых беседой, и худосочного малого со скошенным лбом,

который лениво водил взглядом по помещению, отвлекаясь от созерцательных упражнений для того лишь, чтобы аккуратно откусить от тонкого ломтика кекса.

Тэнглмир помахал мне рукой. Приблизившись, я увидел, что старый волкодав лежит врасстяжку на полу и спит. Жуткая зверюга, если смотреть вблизи.

– Милорд. – Я постарался придать своему голосу должную почтительность.

– Мистер Солтер. Прошу вас, садитесь. – Тэнглмир указал на стул напротив, и я сел, стараясь не разбудить пса.

– Замечательная кофейня, – заметил я.

– Напротив, мистер Солтер, «Поилка» абсолютно непримечательное заведение. Трудно представить более скучное и заурядное место для наших встреч. Что, разумеется, и делает его идеальным. – Он весело улыбнулся. – Чаю?

Вопрос прозвучал как утверждение: типичная особенность представителей столь высокого круга.

Не дожидаясь моего ответа, Тэнглмир налил мне чашку. Я собирался поблагодарить его, но он вскинул руку, останавливая меня.

– Минуточку!

Одним быстрым, ловким движением он извлек из кармана дорогую серебряную флягу и плеснул из нее в чашку. Отпив глоточек, я опознал в спиртном бренди отменного качества.

– Спасибо, милорд.

Он махнул ладонью:

– Не за что. Кроме того, это я должен поблагодарить вас за то, что в такую промозглую погоду вы явились для разговора со мной в столь неприглядное заведение.

– Но... милорд, вы спасли мне жизнь.

Он задумчиво выпятил губы:

– Ну, в известном смысле... пожалуй.

– Теперь самое малое, что я могу для вас сделать, это присягнуть вам в верности.

– А вот это прекрасно, мистер Солтер. Просто превосходно. Молодец.

Тэнглмир отхлебнул из своей чашки и поставил ее на блюдце с вежливым звяком, дающим понять, что предварительная часть беседы завершена.

– Мистер Солтер, поразмыслили ли вы после нашей встречи о плачевном состоянии нашей нации? О нарастающей слабости, которую мы наблюдаем во всех сферах общественной жизни? О моральной неопределенности, ныне процветающей во всех социальных слоях нашего некогда великого государства?

– Да, милорд.

– Вы подумали о грандиозной работе, которую может выполнить Совет Этельстана?

Разумеется, я не счел нужным упоминать о своих исследованиях, проведенных при участии мистера Клэя.

– Да, милорд. Конечно.

– Вы подумали о великой пользе, которую они могут принести в деле изменения нашей национальной судьбы, если только им позволят снова встать у руля?

Едва он договорил вопрос, две пожилые дамы поднялись из-за стола и начали разнообразные замысловатые приготовления к уходу.

– Да, милорд, – ответил я приглушенным голосом. – Со времени нашей удачной встречи на набережной я много размышлял о том, насколько лучше выглядели бы перспективы Англии, если бы ключи от королевства находились в руках Совета.

– Значит, мы с вами единомышленники?

– Безусловно, милорд.

– Ну что ж, Совет еще вернет себе былые позиции. Во всяком случае, если мы с вами и наши союзники энергично возьмемся за дело и приложим все усилия для достижения этой прекрасной цели.

Две матроны грузной поступью направились к двери и через считанные секунды покинули заведение.

– Большое спасибо! – напоследок крикнула одна с неожиданной веселостью.

– Премного вам обязаны! – подхватила другая.

Слова эти остались без ответа.

– Мистер Солтер? – Тэнгмилл внимательно вглядывался в меня. – Вас как будто одолевают какие-то сомнения?

– Вовсе нет.

– Значит, беспокоит что-то?

– Каким образом? – резко спросил я, ибо от спиртного всегда становлюсь грубоватым. – Вот мой вопрос к вам, милорд. Каким образом этого можно достичь?

– Вы о... восстановлении позиций Совета?

– Прошу прощения, милорд, но мне все это кажется несбыточной мечтой. Ведь сегодня Совет не обладает никакой реальной властью?

– Да, но вы должны верить, мистер Солтер. Вы должны верить. На самом деле в настоящее время Совет не так уж и далек от власти, по крайней мере в строго конституционных и юридических терминах. Но действительно, до сведения широкой общественности это не доводится. О чем вы в силу своей профессии, полагаю, знаете лучше меня.

– Понимаю. И что же я должен делать, милорд?

– Только то, в чем всегда были сильны: разговаривать с простыми людьми на их языке и доносить до них правду.

– Насчет Совета? – уточнил я. – Вы хотите, чтобы я рассказывал людям о том, что он мог бы сделать?

– О том, что он *должен* сделать, мистер Солтер. И о неизбежном возвращении Совета в самый центр общественной жизни.

Я поднес к губам чашку и медленно отпил очередной глоток. Я напряженно раздумывал.

– Вижу, мистер Солтер, вы уже решили, как приступить к делу. Да-да. В ваших глазах вновь зажегся огонек энтузиазма.

– Возможно, милорд. Или по крайней мере... Да. Пожалуй, я знаю, с чего начну.

Дневник Мины Харкер

16 ноября. Мы погрузились в повседневную рутину – может, и не самую приятную, но вполне пригодную для того, чтобы провести корабль нашей семейной жизни через эти трудные времена.

Мисс Доуэль оказалась ангелом в человеческом обличье – ласковая и заботливая сиделка, преданно ухаживающая за профессором. Свои дни она начинает и заканчивает у постели голландца, а сама спит в смежной комнате на случай, если он наконец очнется. Она совершенно неумоима и ни на что не жалуется. Сколько бы Джек ни платил ей, она определенно заслуживает вдвое большего.

Профессор по-прежнему в глубоком беспамятстве, и, боюсь, с каждым днем он все дальше от нас и все ближе к безвестному краю, откуда нет возврата. Лишь изредка – по яростно нахмуренным бровям или по благостной улыбке, нет-нет да и мелькающей на губах, – я смутно узнаю в нем человека, которого знала и любила. А так он продолжает угасать, умирать медленной смертью. Наш долг – оберегать его до последнего часа, как он однажды защитил нас и всех вместе повел в битву.

Так проходили все последние дни, в неусыпной заботе о профессоре. Джонатан занимается своей работой, но мне кажется, вся эта история подействовала на него сильнее, чем он готов признать. Она пробудила старые невысказанные воспоминания. В нашем браке мы достигли той точки, когда устоявшиеся долгие отношения позволяют и даже требуют извлечь из-под спуда памяти определенные события прошлого. Я не раз пыталась поговорить о своих тревогах с Джонатаном, но он прячется за своими адвокатскими делами или ищет спасения в вине. Сегодня утром я сказала мужу, что если он не может довериться мне, то должен хотя бы отводить свою душу в личном дневнике, как делал раньше. Он ответил лишь, что подумает над моим предложением. Нам всем нужно немного развеяться. Надеюсь, Артур и Кэрри навесят нас в скором времени, и Джек тоже, хотя сейчас, похоже, работа отнимает у него все время.

Больше всего, однако, меня беспокоит Квинси. Он по-прежнему с нами, освобожденный от школьных занятий по семейным обстоятельствам. Я знаю, как он любил профессора, который всегда был ему как дедушка. Тем не менее все последние дни сын выглядит замкнутым и отстраненным.

Он часами напролет сидит у постели Ван Хелсинга, словно надеясь одним своим присутствием оказать на него целительное действие. В свободное же от дежурства время Квинси взял привычку в одиночестве бродить по саду. При мисс Доуэль на него нападает застенчивость, и лицо идет красными пятнами. Я понимаю, что такое поведение обычно для мальчиков его возраста, но все же порой, когда он молча пристально смотрит на нее, я почти пугаюсь.

Материнство – чрезвычайно сложный опыт, обсуждать который не была готова ни одна женщина из числа моих знакомых, достаточно близких, чтобы в разговорах с ними я могла осторожно затронуть подобные вопросы. В тебе происходят разительные перемены, как внешние, физические, так и внутренние, эмоциональные.

После родов у меня было такое долгое и обильное кровотечение, что даже врачи терялись. И молодые матери, и опытные матери, и старые матери, давно живущие отдельно от детей, в один голос говорят, что женщина любит своего ребенка с самой минуты его появления на свет, что она наполняется любовью до немыслимой прежде степени, уподобляясь переполненной чаше, льющейся через край. В этом утверждении много правды, но все же меньше, чем мне хотелось бы.

Полагаю, для любой женщины вполне естественно иногда сердиться или раздражаться на своих детей. Но нормально ли в темный час жизни испытывать перед ними самый настоящий страх?

Письмо Сары-Энн Доуэль – Тому Коули

17 ноября

Милый Том! При нашем прощании я обещалась написать тебе, и вот мое письмо. Надеюсь, ты выполнишь свою часть уговора и тоже напишешь. Я часто думаю о тебе, милый Том, и о наших планах на будущее. Ты всегда в моем сердце – надеюсь, что я всегда в твоём и что ты так же тоскуешь по мне, как я по тебе. Ах, до чего же давно мы с тобой не виделись!

Теперь коротко расскажу свои новости. Я благополучно добралась до друзей доктора Сьюворда, мистера и миссис Харкер. Дом у них большой и стоит на отшибе от деревни, среди полей и лесов. Хотя я и рада оказаться подальше от доктора (ты же знаешь, он всегда смотрел меня, как повар смотрит на лучший кусок мяса), на новом месте все тоже довольно странно. Мой пациент, голландец, совсем плохой и долго не протянет. Он беспробудно спит, и ухаживать за ним не трудно.

Глава семьи – мрачный мужчина, которого я почти не вижу. Похоже, он сильно переживает, поскольку больной очень его любил. Еще он много пьет, от него частенько несет спиртным. Так вечно пахло от моего папаши, но никогда не пахнет от тебя, милый Том.

Его жена очень ко мне добра и все повторяет, мол, какое счастье, что вы приехали. Впрочем, иногда она поглядывает на меня с сомнением, и несколько раз я даже замечала, как при моем приближении она пряталась в первую попавшуюся комнату и не высывалась оттуда, пока я не проходила мимо.

У них есть сын, Квинси. Ему совсем недавно стукнуло двенадцать, но он не по годам взрослый. Он сразу ко мне вспылал, что мне совсем не нравится. Смотрит на меня с голодным желанием, которого сам еще не понимает. Но это все равно то самое желание. Он пялится, когда родителей нет рядом. Признаться, это меня страшно раздражает. Иногда кажется, что он смотрит с похотью старого распутника, а не со смущением юного отрока.

Пожалуйста, напиши мне скорее, миленький мой, и сообщи, что у тебя все в порядке, что ты усердно трудишься в мастерской и держишься подальше от неприятностей.

Люблю и очень скучаю.

Тысяча поцелуев,

Сара-Энн

Письмо лорда Артура Годалминга – Мине Харкер

18 ноября

Дорогая Мина! Надеюсь, в доме Харкеров все настолько хорошо, насколько можно ожидать в нынешних обстоятельствах. На днях я встречался в городе с Джеком, который рассказал о прискорбном, без всяких улучшений, состоянии профессора. Можем ли мы с Кэрри навесить Вас в ближайшее время? Двадцать первого было бы для нас идеально, если этот день устраивает и вас тоже. Хочется снова увидеть всех вас после трагических событий, омрачивших наш прошлый визит, хочется еще раз взять руку благородного голландца и поблагодарить его за все добро, которое он сделал.

В известном смысле мы по-прежнему остаемся отрядом света, где один за всех и все за одного. Насколько я понял, Джек оплачивает услуги сиделки. Мы с Кэрри почтем за честь возместить все дальнейшие непредвиденные расходы, которые неизбежно возникнут в связи с пребыванием Ван Хелсинга под вашей опекой.

Искренне надеюсь на скорую встречу. Кэрри жаждет поговорить с вами. Душевное состояние у нее сейчас очень беспокойное, и я знаю, ей не терпится расспросить вас о тайнах материнства. Она переносит свое положение гораздо тяжелее и болезненнее, чем ожидала.

Остаюсь Ваш добрый друг

Арт

Из личного дневника Мориса Халлама

19 ноября. Три дня! Неужели прошло уже три дня? Или четыре?

Четыре. Да. Правильно ли я посчитал? Да, вроде правильно. Четыре дня прошло с тех пор, как я в последний раз поверил свои мысли бумаге. И три (вероятно) с тех пор, как мы оказались в этой страшной западне, в плену нескончаемого кошмара.

Пишу в муках безысходности и отчаяния, пронизанный ужасом, отравленный миазмами безнадежности. Время здесь не подчиняется привычным законам. Оно нарушает – умышленно и с презрением – естественный ход вещей.

Вижу, на предыдущей странице я описывал нашу ночную стоянку и странное, мельком увиденное, сношение Илеаны с мистером Шоном. Написанное тогда может показаться довольно абсурдным – продуктом смятенного и возбужденного воображения, – но по всему видно, что писал человек психически вполне здоровый, пускай слабый и глупый. Однако

нынешние мои лихорадочные каракули, если они когда-нибудь кем-нибудь будут прочитаны, безусловно покажутся тяжелым бредом сумасшедшего.

Я почти уверен, что умру здесь, во мраке безумия и болезни. Но возможно, мои последние строки однажды будут найдены, и вся правда станет известна. Может быть, это нескладное свидетельство принесет какую-то общественную пользу, послужив предостережением для неосторожных? И если в мире еще есть справедливость, может быть, оно наконец предоставит необходимое основание для того, чтобы сжечь дотла это зараженное злом здание?

Но мне следует собраться с мыслями. Да, нужно приложить все усилия, чтобы хоть как-то упорядочить эту ужасную круговерть хаоса. Я должен заставить себя писать правду, невзирая на вопли и стоны моего самого дорогого друга на свете.

Наш поход по Карпатским горам был долгим и трудным. Габриель, разумеется, справлялся лучше меня, поскольку моложе, сильнее и привычнее к физическим нагрузкам. Однако в ходе нашего бесконечного восхождения даже он порой обливался потом и задыхался. В четырех разных случаях я заметил, что у него трясутся руки от предельного напряжения сил. Я неоднократно выражал желание остановиться и передохнуть, но наша проводница не проявила ко мне ни капли милосердия. Она вынуждала нас идти все дальше, взбираться по кручам все выше. Она казалась такой выносливой, такой неутомимой, будто и не человек вовсе (о чем теперь можно сказать прямо).

Не знаю, как долго продолжалось наше ужасное восхождение. Сколько раз мы останавливались на ночь? Один? Два? В памяти все смутно, расплывчато, размыто, как в тумане. Но каким-то образом – умственным взором – я вижу, словно с большой высоты, трех крохотных путников, идущих вверх по склонам.

Наконец – бог знает сколько времени спустя – мы достигли перевала Борго. Теперь оставалось преодолеть последний участок пути, самый крутой и опасный. Делать нечего, пришлось идти дальше, взбираться еще выше.

Один раз я положил ладонь на плечо другу и, неведь откуда набравшись смелости, сказал:

– Габриель, пожалуйста. Ну стоит ли? Еще ведь не поздно повернуть назад, верно? Возвратиться в цивилизацию.

Он не оглянулся и не сбавил шага. А когда заговорил, голос его прозвучал до странности оживленно, едва ли не весело:

– Да нет, Морис, уже поздно. Разве ты не понимаешь? Уже слишком поздно для нас.

Я ничего не ответил, просто вздохнул, отстал от него и снова потащился сзади. Еле живой от усталости, я все же следовал за Габриелем, неспособный вырваться из его мощного поля притяжения.

Наконец мы вышли на плато. По обе стороны от нас по-прежнему вздымались могучие горы, и в сравнении с ними мы трое казались ничтожнейшими букашками. Тем не менее земля под ногами заметно выровнялась, и возникло ощущение, что мы снова оказались в местности пускай и не самой привлекательной, но по крайней мере обитаемой. Вдали виднелось огромное полуразрушенное строение: широкий передний двор, а за ним обветшалые башни древнего замка, резко очерченные на фоне неба.

Мы ненадолго остановились, чтобы насладиться моментом.

– Вот он, замок властелина, уже совсем близко, – промолвила Илеана.

Едва она договорила, пошел снег, сначала слабый, потом все гуще, гуще. И вдруг, совершенно неожиданно, местность вокруг чудесным образом переменялась – словно мы вступили не на угрюмое плато среди пустынных гор, а в какую-то старинную картину с прекрасным сказочным пейзажем. Без дальнейших слов мы трое зашагали вперед, покорные судьбе.

Не хочу писать здесь и сейчас о том, что мы обнаружили в ужасном замке, где жили многие поколения предков Дракона. Не хочу писать о том, что мы нашли в промозглом переднем дворе, а тем более о том, что мы увидели внутри, в лабиринте грязных гулких коридоров и

в давно пустующих столовых залах, где стоял вековой запах дыма и золы, где с писком носились летучие мыши, вспугнутые нами, и неторопливо разбегались пауки размером с кулак. Не скажу ничего и о библиотеке со странными английскими книгами, сырыми от плесени. Лондонская адресная книга. Армейский и Флотский реестры. Альманах Уитакера²¹. Такое впечатление, будто прошлое там смеется над настоящим.

Ничто не заставит меня и описать сколько-либо подробно пустые, населенные призрачным эхом подземные склепы, где самые стены хранят память о мертвых, где шуршат крысы и прочие паразиты. И где из темноты до нас явственно донеслось (хоть такое и невозможно) что-то похожее на смех.

Что же касается событий, происходивших после того, как мы завершили осмотр замка, то каждое в отдельности я, признаться, не помню. Время здесь, повторяюсь, искаженное, обманное, и дальнейшее помнится лишь вспышками. Вот что запечатлелось в памяти.

На нас падает черная тень.

Улыбка Илеаны и экстатические крики Габриеля. Выражение его лица, когда он хлопает в ладоши, как ребенок.

Льется кровь.

Ее зубы. Острые белые зубы.

Со мною что-то происходит. Дикая боль и одновременно иступленный восторг.

Что-то давит на мои губы – серебряная чаша, древний сосуд, нечестивый Грааль²², из которого меня заставляют пить.

Жжение, страшное жжение в горле. Ощущение, будто внутри меня что-то растет, что-то древнее и голодное.

Я корчусь от боли на каменном полу. Вой волков, детей ночи, звучит ближе, гораздо ближе, чем раньше.

Вопль Шона, полный торжества и муки.

Мы впали – все – в горячечный бред? В тяжелый психический приступ? Не это ли объясняет нынешние наши ужасные обстоятельства? Да, наверняка так. Ведь принять любую другую версию значило бы расписаться в собственном безумии.

Меньше часа назад я очнулся на старой кровати с балдахинном в одной из спален замка, чувствуя бодрость, какой уже давно не испытывал. Илеаны и след простыл. Вероятно, она нас покинула. Какую цель она преследовала на самом деле, когда привела нас в эту древнюю обитель зла, мне даже думать страшно. Что же до моего возлюбленного друга, моего еще недавно ангельски красивого мальчика, то от него осталась лишь полая оболочка, лишь бледная тень прежнего Габриеля.

Ибо по своем пробуждении я обнаружил, что он скулит и воет от боли рядом, весь измазанный кровью и какой-то слизью. Он ничего не говорит, как я ни умоляю. По-моему, он сошел с ума или хотя бы подошел к краю этой бездны так близко, как только может подойти человек.

С ним что-то сделали. Нанесли какую-то страшную рану. Причинили жестокое насилие.

О боже! У него вырван левый глаз! Кровавая глазница незряче смотрит в пустоту. Он обезумел от боли. Не узнает меня. Его истошные вопли возносятся к вершинам равнодушных гор и смешиваются с жутким визгом волков.

Что теперь с нами будет? Что будет?

²¹ *Альманах Уитакера* – ежегодный справочник общей информации, выходящий с 1868 г.; назван по имени первого издателя Джозефа Уитакера.

²² *Грааль* – в средневековых кельтских и нормандских легендах чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую иудейский старейшина Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого Спасителя. Испивший из чаши Грааля получает прощение грехов, вечную жизнь и т. д.

Каким счастьем было бы для нас двоих – старого актера и одноглазого юноши – вместе погрузиться в черную бездну безумия и смерти.

Иисус Назаретянин! Если ты обладаешь хоть каплей реального существования, отчаянно зываю к тебе: спаси нас!

Или ты, Падший! Если избавишь нас от муки – я весь твой.

Письмо Арнольда Солтера – Сесилу Карнихану²³

20 ноября

Дорогой мистер Карнихан – или Сесил (если позволите)! Надеюсь, мое письмо застанет Вас в добром расположении духа. Я слышал о Вас только хорошее. Газета под Вашим руководством процветает. Возможно, не все принятые Вами решения стали бы моим выбором, но такова уж природа любых перемен. Старики должны уступать дорогу молодым. Таков естественный порядок вещей, и бояться здесь нечего.

Однако новому поколению не следует забывать, что мы, Ваши предшественники, которым пока еще рано присматривать надгробную плиту на свою могилу, могут поделиться с Вами богатым жизненным и профессиональным опытом.

Посему хотелось бы знать, могу ли я встретиться с Вами в ближайшее удобное для Вас время? Жизнь в отставке вполне меня устраивает, но у меня есть к Вам одно деловое предложение. Надеюсь, Вы не откажете в просьбе «старому псу».

С нетерпением жду Вашего ответа.

С уважением, Солтер²⁴

Дневник Мины Харкер

21 ноября.

Я просто падаю от усталости, но должна написать хотя бы несколько строк перед сном.

Сегодня вечером нас навестили Артур и Кэрри Годалминг. Арт довольно долго оставался наедине с профессором и вышел от него бледный, подавленный и словно постаревший на добрый десяток лет. Был очень молчалив, сказал только, что настойчиво посоветует Джеку посетить нас при первой же возможности.

Мы поужинали вместе. Все было вполне мило, хотя Квинси за весь ужин не промолвил ни слова. Мы пригласили Сару-Энн присоединиться к нам, но она отказалась, пояснив, что ей надо уделить время корреспонденции частного характера. Подозреваю, у нее есть сердечный избранник, которому она пишет о своей вечной любви, несомненно орошая бумагу слезами. Как хорошо я помню первую пору нашей с Джонатаном страстной влюбленности, когда желание постоянно сообщаться друг с другом было столь острым, что превращалось в жизненную потребность. Не то чтобы, конечно, кто-нибудь хотел прожить всю жизнь в таком накале эмоций!

После ужина Квинси отправился спать, мужчины удалились выкурить по сигаре, а я отвела милую Кэрри в сторонку и попыталась поговорить с ней, как просил ее муж. Бедняжка, ей бы радоваться скорому материнству, а она выглядит положительно несчастной. Я спросила, почему у нее такое настроение? Ведь она молода, здорова, благополучна, и казалось бы, должна быть на седьмом небе. Кэрри странно посмотрела на меня и ответила:

– Мне очень страшно, моя дорогая. Я безумно боюсь.

²³ Заместитель главного редактора «Пэлл-Мэлл газетт» (1901–1904).

²⁴ Никаких следов ответного письма я не отыскал. Полагаю, оно так и не было написано, и мистер Солтер, устав ждать, просто явился собственной персоной в контору к своему преемнику. Такой поступок вполне в его духе.

- Но что же вас пугает? – возможно мягче спросила я.
– Как что? Мир, в котором родится мой ребенок. Дурной, греховный мир, который он унаследует.

Письмо доктора Леона Уэйкфилда – доктору Джону Сьюворду

22 ноября

Дорогой доктор Сьюворд! Надеюсь, это письмо застанет Вас в добром здравии. Мы часто слышим о Ваших профессиональных успехах, и нам очень приятно (пускай и незаслуженно), что Ваша репутация продолжает расти и процветать.

После Вашего ухода с поста главного врача мы приложили большие усилия к ремонту и переоборудованию нашей психиатрической лечебницы, чтобы она отвечала всем требованиям двадцатого века. Думаю, сейчас Вы бы не узнали учреждение, столь обширная реконструкция здесь проведена. Вся паутина девяностых выметена прочь, и я рад сообщить Вам, что, по общему признанию, сегодня наша клиника находится на передовой современной медицинской науки.

Именно переделки в структуре здания послужили прямой, хотя и неожиданной, причиной моего письма к Вам. Недавно мы закончили реконструкцию того крыла лечебницы, где размещалось самое закрытое отделение. В ходе работ было обнаружено нечто, что мы считали навсегда утраченным. Это своего рода реликвия, которая относится к славному времени, когда Вы возглавляли учреждение. Подробности дела слишком щекотливы, чтобы доверять их бумаге.

Не угодно ли Вам будет в ближайшее время предпринять поездку в Перфлит, чтобы мы с Вами смогли все обсудить при личной встрече? Полагаю, находка премного Вас заинтересует, это в высшей степени странная соединительная ткань между прошлым и настоящим. Кроме того, было бы приятно снова увидеть Вас, серого кардинала нашего дружного медицинского коллектива. Мы с Вами давно уже не общались – с самой вечеринки по случаю Вашего отъезда, если мне не изменяет память.

Искренне ваш
Леон Уэйкфилд

Письмо лорда Артура Годалминга – доктору Джону Сьюворду

22 ноября

Дорогой Джек! Прости за краткость: пишу в спешке и немалой тревоге.

Мы с Кэрри вчера навестили Харкеров.

Ван Хелсинг продолжает угасать. Тебе обязательно нужно в ближайшее время увидеть его еще раз, пока есть такая возможность.

Сейчас, однако, пишу тебе по поводу своей жены, чье поведение после визита к друзьям и разговора наедине с любимой Миной не изменилось к лучшему, а наоборот, стало еще более нервным и странным, чем прежде.

Она часто плачет от страха перед будущим. Ее пугает неотвратимость родов. Боюсь, многие ее жалобы наводят на мысль, что она опять на пороге заболевания, по каким ты специализируешься.

Джек, через два дня я привезу Кэрри в Лондон. Сможешь ее посмотреть? Кроме тебя, старина, мне не к кому обратиться.

Твой верный друг
Арт

Дневник доктора Сьюворда

(фонографическая запись)

23 ноября

Получены два письма:

(1) От Артура, с настоятельной просьбой посмотреть Кэрри завтра, каковую услугу я буду счастлив оказать. О чем уже сообщил телеграммой. Он очень обеспокоен, и я должен сделать все возможное, чтобы рассеять худшие его опасения.

(2) От доктора Уэйкфилда из Перфлита – он, по обыкновению, лицемерит, елейничает и старается в каждой строчке напомнить мне о своих преждевременных амбициях. Похоже, в ходе реконструкции клиники они нашли среди строительного мусора какой-то старый сувенир, и Уэйкфилд хочет показать его мне. Я понятия не имею, что это может быть, но согласился приехать в ближайшее время. Будет немного странно вернуться в место, где некогда происходили самые трагические, самые дикие события моей жизни, но полагаю, прошло уже достаточно времени, чтобы я, оказавшись там, не испытал ничего, кроме легкой ностальгии.

По правде говоря, любое постороннее дело мне только в радость, ибо оно отвлекает мои мысли от разных неразумных блужданий – в частности, в тех несчастливых областях воображения, которые имеют отношение к некой девушке, ныне проживающей в Шор-Грине.

Ее белокурые волосы. Очаровательная улыбка. Грациозный изгиб шеи.

Письмо Сары-Энн Доуэль – Тому Коули

24 ноября

Милый Том! Вот уже неделя, как я написала тебе, а ответа все нет, потому и решила написать еще раз. Том, я люблю тебя, но знаю, как легко ты попадаешь под чужое влияние, когда меня нет рядом.

Надеюсь, ты прилежно трудишься в мастерской, а не взялся за старое. Пожалуйста, не сердись. Да, ты побожился мне, что все дурное осталось в прошлом, но ведь я хорошо знаю, как сильно может тянуть человека к такой жизни, какую ты вел раньше. Шальные деньги и азарт. Но будь разумным, будь нравственным, Том, и не бросай работу. Главное, держись подальше от Молодчиков Гиддиса, а скоро твоя душенька Сара-Энн приедет к тебе, утешит и приласкает, и заживем мы весело.

Я часто думаю о тебе здесь, в этом большом мрачном доме, хотя своей работой вполне довольна. Старик все так и спит, а миссис Харкер очень добра. Но вот мальчишка... мальчишка по-прежнему меня тревожит, Том. Он продолжает смотреть на меня этим своим жадным взглядом, теперь совсем уже непристойным. Он подстерегает меня в узких коридорах, где трудно разойтись, не задев друг друга. А два раза я замечала, что он тайком наблюдает за мной через приоткрытую дверь. Я стараюсь не оставаться с ним в одной комнате, но это не всегда получается, поскольку он много времени проводит с пациентом.

И потом еще его глаза. Большую часть времени он – обычный ребенок, но бывают моменты, когда глаза у него странно блестят, сверкают, и мне чудится, будто сквозь них на меня пристально смотрит что-то древнее и греховное.

Напиши мне скорее, любимый, и скажи, что у тебя все хорошо.

Твой преданный цветочек

Сара-Энн

Письмо доктора Джона Сьюворда – лорду Артуру Годалмингу

25 ноября

Дорогой Артур! Невзирая на характер нашей вчерашней встречи, я был очень рад видеть вас обоих в своем приемном кабинете.

Вот обещанный официальный отчет о состоянии твоей жены. После тщательного физического и психического обследования я сделал семь следующих выводов:

(1) Твоя жена страдает повышенным уровнем тревоги и страха.

(2) Я бы диагностировал также начальную стадию истерии.

(3) Причины сугубо психические, а все физические симптомы – следствие самовнушения.

(4) Я бы порекомендовал, чтобы в течение всего срока до родов она оставалась дома, в самой спокойной обстановке. Постарайся оградить ее от любых волнений и переживаний.

(5) Ей следует много и крепко спать. Сон может оказать значительный восстановительный эффект.

(6) Для ускорения восстановительного процесса я прописал сильнодействующие таблетки, первую из которых дал ей вчера. Они обладают весьма высокой активностью. Следи, чтобы Кэрри принимала не более пяти в день. Надеюсь, это лекарство остановит поток тревожных сновидений, на которые она жалуется.

(7) Я бы посоветовал, чтобы она пока воздержалась от визитов в дом Харкеров. Обстановка там в настоящее время тяжелая и, похоже, действует на нее очень плохо.

Надеюсь, все вышесказанное несколько успокоит тебя. Пожалуйста, не стесняйся обращаться ко мне за любой помощью, какая потребуется. Разумеется, и эта консультация, и все последующие предоставляются совершенно бесплатно.

Оставшиеся до родов месяцы будут нелегкими. Для тебя ситуацию может усложнить странное сходство симптомов леди Годалминг с некоторыми (хотя и далеко не со всеми) симптомами, которые наблюдались у некой леди, бесконечно дорогой нашим сердцам. Я заметил в твоей жене признаки нервного расстройства, подобные уже виденным нами однажды, но решил не придавать им значения. Настоятельно рекомендую тебе последовать моему примеру. Природа нашего общего мрачного опыта такова, что теперь мы видим зловещие тени там, где их нет и в помине, и вздрагиваем от самых обыденных звуков.

В отличие от своей предшественницы, Кэрри всегда была крайне чувствительна и необычайно уязвима перед лицом трудностей, неизбежных даже в самой благополучной жизни. Помнится, именно это я говорил тебе, когда вы с ней только-только познакомились, вскоре после того, как она вышла из-под моей опеки. Знаю, вы оба много страдали в прошлом, и это дополнительно связывает вас. Но скажу тебе не только как врач Кэрри, но и как твой друг, Арт: мне редко доводилось встречать людей с такой хрупкой психикой, как у нее. В предстоящие месяцы ей потребуется вся твоя любовь.

Я, как всегда, готов оказывать любую посильную помощь.

Искренне твой Джек

Телеграмма лорда Годалминга – доктору Джону Сьюворду

26 ноября

Спасибо за письмо. Вся помощь принята с благодарностью. Таблетки принесли облегчение. По словам К., сны постепенно тускнеют. Надеюсь, худшее позади. Молюсь, чтобы все было хорошо.

Арт

Из дневника Арнольда Солтера

27 ноября. Отправился на Флит-стрит, во владения моего бывшего работодателя и в кабинет моего преемника, Сесила Карнихана, где мне предстоял чертовски трудный разговор.

Увидеться со мной Карнихан согласился главным образом из вежливости. Да и то лишь после моих назойливых домогательств. Для молодого человека в мире нет ничего смешнее и нелепее старого пенсионера – особенно если первый в свои годы уже достиг положения, которое было наивысшей точкой карьеры второго, и обоснованно рассчитывает на дальнейшее повышение по службе.

А мистер Карнихан действительно молод, не старше тридцати. Длинный, тощий, с нарочито крепким рукопожатием и напускной солидностью.

Он знаком пригласил меня в свое маленькое святилище (раньше принадлежавшее мне, разумеется) и предложил сесть на новенький стул напротив своего стола. От моего внимания не ускользнул тот факт, что он вынудил меня переложить на другое место пачку газетных экземпляров, лежавшую на стуле.

– Итак, – начал Карнихан после того, как мы уселись и он разыграл целое представление, проверяя время по своим, несомненно чертовски дорогим, карманным часам. – Чему обязан честью? Или вам просто захотелось повидать старые места?

Все в этом молокососе – от притворной почтительности до откровенного нетерпения в глазах – вызвало у меня острое желание сжать правую руку в кулак и врезать ему в челюсть.

Странно, но при этом я испытал не досаду или гнев, а только удивление от того, что опять способен на подобные эмоции после двух лет полного душевного паралича. Ко мне вернулось восхитительное ощущение, что кровь горячо пульсирует в жилах.

– Отчасти вы правы, мистер Карнихан, – сказал я.

– Я всегда рад видеть вас здесь, сэр. В конце концов, в наших стенах вы своего рода легенда. Флит-стрит приветствует вас, мистер Солтер.

Я отреагировал на лесть так, как он ожидал. Будто мне не наплевать на его поганое мнение.

– Ах, вы очень добры. Чрезвычайно добры.

Я сморщил лицо в улыбке. Мерзкое зрелище, надо думать.

– Но видите ли, тут вот какая штука: полагаю, я еще не совсем покончил с газетным делом. Как и оно со мной. По крайней мере – пока.

Карнихан притворился, что не понимает.

– Что вы имеете в виду, мистер Солтер?

– Я имею в виду, что хочу снова писать для своей газеты. Регулярно и часто. Вот о чем и пришел просить сегодня.

Карнихан нахально улыбнулся:

– О, боюсь, в настоящее время у нас нет свободных вакансий. Как вам наверняка известно, все редакционные отделы укомплектованы ретивыми журналистами нового поколения.

– Да, разумеется. Но неужели у вас не найдется места для ветерана? Неужели нельзя позволить и голосу опыта звучать время от времени?

Продолжая улыбаться, Карнихан вытащил часы и взглянул на них.

– Скажите, пожалуйста, мистер Солтер... – Он убрал хронометр обратно в карман. – О чем, собственно, вы предполагаете писать? Все-таки вы уже не в том возрасте – вам не кажется? – чтобы каждый день гоняться за горячими новостями или рыскать по улицам в поисках сенсаций, как начинающий репортер.

– Я думаю скорее представлять некий взгляд с высоты опыта. Мои собственные мысли и суждения. Колонку можно назвать... не знаю даже... как насчет «Говорит Солтер»?

Карнихан принял вежливо-скептический вид.

– И на какие же темы вы намерены рассуждать, сэр?

– Современное состояние нации. Безумие нового века. Острая и неотложная необходимость усвоить уроки прошлого.

Мой преемник одарил меня снисходительным взглядом:

– Понятно.

Последовала долгая пауза, заполнить которую ни один из нас не счел нужным.

Наконец я сказал:

– Значит, идея вас не воодушевляет?

– Нет-нет, просто... – Он откинулся на спинку кресла и сложил ладони домиком. – Интересы бизнеса, знаете ли. Уверен, вы прекрасно понимаете подобные коммерческие требования. Мы даем читателям то, что они хотят.

– Я всегда считал, что мы должны давать им то, в чем они нуждаются.

Его улыбка начала гаснуть.

– Все меняется, мистер Солтер. Мир не стоит на месте.

– По-вашему, мое мнение никому не интересно?

– По-моему, сегодня никому не интересны проповеди. Нотации старшего поколения.

– Возможно, в этом-то вся проблема. Возможно, именно поэтому общество пошло по неверному пути, черт возьми.

– Возможно, мистер Солтер, возможно. – Судя по тону, он считал мое предположение маловероятным. – Однако факт остается фактом: публике по вкусу скандалы, сплетни и слухи. Не нравятся, понимаете ли.

– О, я все прекрасно понимаю, поверьте.

– Очень рад это слышать.

Я неподвижно смотрел на него, пока он не отвел глаза.

– Это ваше последнее слово?

– Боюсь – да. Здесь приходится править железной рукой, Арнольд. Сами знаете, в газетной редакции не может быть места для сантиментов или преданности старым друзьям, сколь бы достойны они ни были.

Карнихан снова извлек из кармана хронометр и с удовольствием взглянул на него. Я встал и протянул руку:

– Что ж, не буду больше отнимать у вас время, сэр. Знаю, у вас много дел.

Карнихан подтвердил, что дел у него и впрямь по горло.

– Спасибо за визит, – сказал он. – И более того, Арнольд, спасибо за понимание. – Фальшь сквозила в каждом гласном и согласном звуке, им произнесенном.

– Не стоит благодарности. – Я повернулся прочь, теперь уже страстно желая поскорее оказаться на свежем воздухе, подальше от этого палладиума воспоминаний.

– Конечно... – начал Карнихан.

– Да?

– Если бы у вас было для меня что-нибудь совсем другого рода... Какой-нибудь скандал, скажем, какая-нибудь грандиозная, ошеломительная история... что-нибудь, что возбудит острый интерес наших читателей... тогда, конечно, был бы совсем другой разговор.

– Вы стали бы меня печатать?

– Причем с радостью. – Он снова улыбался. – Но ведь у вас ничего такого для меня нет. Верно?

Дневник Мины Харкер

28 ноября. Похоже, ситуация с Сарой-Энн Доуэль – и, увы, с нашим сыном – дошла до критической точки. Сегодня после завтрака бедная девушка пришла ко мне и призналась, что ей очень не по себе.

– Я всегда знала свое место, мэм, – сказала она смущенно, но решительно. – Не в моих привычках поднимать шум на пустом месте. Спросите доктора Сьюворда, мэм. Он за меня поручится.

Я заверила ее, что в этом нет необходимости.

– Продолжайте, Сара-Энн.

– Дело в вашем сыне, мэм. Вы меня извините, конечно, но это уже просто невыносимо. То, как он смотрит на меня. Как всюду ходит за мной по дому... и вечно подстерегает снаружи. Наблюдает за мной, прячась в тени.

Я горестно покачала головой, но сиделка истолковала мой жест неверно.

– Честное слово, мэм. Я правду говорю.

– Ну конечно. – Я постаралась принять успокоительный тон. – Я вам верю.

– У него трудный возраст, понимаю. И для него непросто находиться здесь, только с вами и стариком, умирающим медленной смертью.

– Да... да.

– Но он правда вгоняет меня в дрожь, мэм... то, как он на меня смотрит. Просто жуть наводит.

Я печально кивнула:

– Вы очень хорошенькая, мисс Доуэль. Уверена, вы привыкли ловить на себе нежелательные взгляды мужчин. И раз уж вы пришли ко мне, значит вы действительно сильно встревожены. Я попрошу мужа поговорить с Квинси. Мне кажется, будет лучше, если с ним отец побеседует. Даю вам слово, мы проявим строгость в этом вопросе. Подобное поведение совершенно недопустимо для юных джентльменов, что мы и разьясим сыну.

– Спасибо, мэм. Я страшно благодарна, что вы мне верите.

– Сара-Энн, вы облегчили всем нам жизнь в это крайне трудное время. Я бы очень не хотела, чтобы вы были несчастны здесь.

Девушка нашла в себе силы улыбнуться и опустила голову. Когда она вновь взглянула на меня, в глазах у нее было беспокойство.

– Что-нибудь еще? – спросила я. – Можете быть со мной откровенны.

– Вы же знаете, мэм, да?

От тона Сары-Энн, полагаю, моя улыбка стала более натянутой, принужденной.

– Знаю – о чем?

– О том, что здесь происходит. Под вашей крышей.

Само собой, в ее голосе слышалась тревога, но также (неприятно сказать) странная насмешливая нотка.

– Спасибо, – ответила я. – Но в этом доме не происходит ничего такого, о чем бы я не знала.

– Вы уверены, мэм? – спросила она, теперь уже с откровенной усмешкой, и вышла прочь.

Таким образом пока все осталось между нами. Я поговорю с Джонатаном, когда он вернется из конторы. В доме и так царит тягостная атмосфера смерти и печали. Я не допущу, чтобы она стала еще мрачнее.

Дневник доктора Сьюворда (фонографическая запись)

29 ноября. Какой необычный день был сегодня, полный странных отголосков прошлого и оживших воспоминаний.

Заинтригованный письмом доктора Уэйкфилда, а прежде всего снедаемый желанием хоть ненадолго покинуть стены этого консультационного кабинета, я отправился в Перфлит, в свою старую психиатрическую лечебницу.

Во все время путешествия – сначала на поезде, а от перфлитского вокзала на пролетке (которой правил неразговорчивый извозчик грубой наружности) – меня не оставляло ощущение, будто я возвращаюсь в прошлое, в свою прежнюю жизнь. Воспоминания толпились на каждом углу, прогуливались по каждой улице, витали над каждым полем. Я думал, они померкли со временем, но, вернувшись к ним сейчас, обнаружил, что они до жути яркие и живые.

Подъезжая по знакомой извилистой аллее к лечебнице, неумолимо вырастающей в поле зрения, я увидел, что похвальбы Уэйкфилда насчет модернизации весьма обоснованны. Кажется, даже самая форма здания претерпела изменения: если раньше оно представляло собой угрюмый приземистый барак, то теперь, после реконструкции, выглядело более длинным, гладким и безликим.

Выйдя из пролетки и поблагодарив хмурого извозчика, я увидел доктора Уэйкфилда, поджидающего меня у входа.

– Сьюворд! – Он шагнул мне навстречу, протягивая руку.

Невысокий ухоженный мужчина, он на десять с лишним лет моложе меня, но я тотчас отметил (со злорадством, которого теперь стыжусь), что волос у него значительно меньше. Его соломенная шевелюра, всегда жидковатая, уже отступает от лба подобием морского отлива.

– Большое спасибо, что приехали, – сказал он. – Понимаю, из Лондона в Перфлит добираться не очень удобно.

– Вовсе нет, – возразил я. – Для меня поездка вполне привычная. В свое время я часто катался туда-обратно. Однако мне любопытно узнать конкретную причину вашего приглашения.

– Входите, дорогой друг, и я вам все объясню.

Я переступил порог своей бывшей клиники. Даже запах здесь изменился с моих времен. Холл чистый и опрятный, в воздухе висел смешанный аромат скипидара, мыла и какой-то душистой мастики, мне незнакомой. Думаю, по многим причинам нынешняя обстановка гораздо больше способствует выздоровлению пациентов, чем прежняя. Тем не менее я остро почувствовал, что мне не хватает особого характера и духа, свойственного старой лечебнице. И тотчас же с тоской осознал свой возраст, не в первый уже раз.

– Думаю, мы начнем с чаю в моем кабинете, – продолжал Уэйкфилд энергичным хозяйским тоном, – а продолжим экскурсией по клинике. Времени для разговоров будет предостаточно.

– Доктор Уэйкфилд, я знаю, сколько у вас работы. Почему бы вам просто не сказать, что именно побудило вас вызвать меня? – Я попытался улыбнуться. – Такое мое предложение вызвано исключительно желанием избавить вас от всяких неудобств, связанных со мной.

Моя прямота явно изумила Уэйкфилда.

– Хорошо. Как вам будет угодно. Разумеется, я ценю вашу заботу. Полагаю, однако, я могу не просто изложить вам причины моего приглашения, но и показать. Прошу вас, пойдемте со мной.

Он зашагал прочь, я последовал за ним умышленно неторопливой походкой. Уэйкфилд повел меня из холла вглубь здания. Мы миновали ряд приемных помещений, которые выгля-

дели бы более уместно в каком-нибудь казенном учреждении, нежели в медицинском заведении, где занимаются лечением душевных расстройств.

Преодолев приемную зону, мы оказались в самом сердце лечебницы, где располагались камеры с пациентами. Теперь передние стены камер были стеклянные, что давало возможность наблюдать за душевнобольными, словно за животными в загонах и клетках зоопарка. Поведение пациентов поразило даже меня, который в своей жизни видел не только все, что знакомо любому практикующему медику моей специализации, но и очень многое, что лежит за пределами обычного врачебного опыта.

Слезы, страдальческие вопли, разного рода мольбы и призывы не произвели бы на меня впечатления, ибо за годы практики сердце мое очерствело и чувствительность притупилась. Однако, пока мы шагали вдоль рядов больничных камер, я наблюдал нечто совершенно беспрецедентное.

Все без исключения пациенты безмолвствовали и даже не двигались. Некоторые стояли у стен своих камер, остальные сидели на узких койках – с закрытыми или незряче уставленными в пустоту глазами, словно погруженные в молитву. Все до единого были на редкость апатичны.

– Как вы такого добились? – спросил я главного смотрителя этих больных, который резво шагал впереди с самодовольным видом. – Правда, сэр, как вам это удалось?

– Успокоительный препарат, – ответил Уэйкфилд, не сбавляя шага и не оглядываясь. – В весьма значительных дозах для всех, кому требуется. Он делает пациентов послушными и дает необходимое время для исцеления душевных ран.

– То есть вы просто поддерживаете в них такое вот состояние тупой покорности? – возмутился я.

– Результаты очень хорошие, – сказал Уэйкфилд мягким тоном, каким викарий укоряет прихожанина, посмеявшегося затеять с ним богословский спор. – А выгоды превосходят любые разумные ожидания. Возможно, вам попадалась моя прошлогодняя статья на эту тему в «Ланцете»?

– Я немного отстаю со своим чтением.

– А, ясно. Когда наверстаете, пожалуйста, сообщите мне свое мнение.

Мы достигли конца коридора и остановились у последней камеры. Я сразу ее узнал.

– Как видите, – сказал Уэйкфилд, поворачиваясь ко мне, – эта камера пустует.

– Да... помню, – тихо проговорил я. – И полагаю, могу угадать причину, почему даже сейчас она остается незанятой.

– Значит, вы помните ее прежнего обитателя?

– Вряд ли я когда-нибудь забуду мистера Р. М. Ренфилда, – ответил я, усилием воли прогоняя прочь неприятные воспоминания, всколыхнувшиеся во мне. Я постарался не думать об этом сумасшедшем зоофаге, который был одновременно и слугой графа, и неким сверхъестественным прибором, отслеживающим все его перемещения. Несчастный безумец, общавшийся со злом в любых его обличьях – крысы, летучей мыши, тумана – и принявший смерть от руки Трансильванца. Да, такая судьба постигла верного раба, тщетно мечтавшего, чтобы хозяин его возвысил.

Уэйкфилд кивнул.

– Интересно, доктор Сьюворд, разделяете ли вы мое убеждение, что существуют характеры столь мощные и неистовые, а равно разновидности зла столь отравные и всепроникающие, что они еще долго не исчезают после физической смерти злодея и буквально пропитывают собой места, имевшие для него важное значение. Такая, знаете ли... – Он поискал нужное слово. – Особая эфирная аура... атмосфера.

– Понимаю, о чем вы. По-вашему, нечто подобное произошло здесь, в камере покойного мистера Ренфилда?

– Доктор Сьюворт, мы приложили уйму усилий... Подметали, мыли, чистили, скоблили и драили. Вынесли всю обстановку, заново покрасили стены, пол, потолок. Просто наизнанку вывернулись, чтобы сделать камеру пригодной для проживания наших подопечных. Даже священника пригласили, чтобы прочитал очистительную молитву и благословил наши старания. Но все без толку. Любой пациент, помещенный в эту камеру, в каком бы состоянии он ни поступал к нам, всегда покидал ее в десятикрат худшем. Санитары держались от нее подальше, любой ценой избегали заходить, а один раз несколько рабочих после полного трудового дня ушли, даже не взяв платы, только бы не возвращаться назавтра. О, никто ни разу не видел и не слышал ничего необычного. Но здесь постоянно ощущается присутствие некой темной силы. Некого незримого зловещего наблюдателя.

– Понимаю.

– Вы мне верите?

– Пожалуй. Да, верю. Безусловно, мне доводилось слышать и о гораздо более странных вещах. Так что же вы намерены делать с этим... гм... источником беспокойства?

– Устроим здесь кладовую, чтоб заходить раз в сто лет и вообще не думать о ней. Может, память, которую хранят эти стены, со временем и выветрится. Но... и это и есть главная причина моего приглашения, доктор... в ходе ремонтных работ здесь кое-что обнаружили.

Уэйкфилд открыл дверь и с видимой неохотой вошел в камеру. Я последовал за ним. Хотя сейчас помещение выглядело совсем иначе, чем в мое время, я вновь ощутил властную силу прошлого, норовящего захлестнуть меня с головой.

Перед моими глазами, как живое, встало искаженное, смертельно-бледное лицо мистера Ренфилда, дрожащего всем телом, вопящего о своей преданности хозяину, с бессмысленной настойчивостью повторяющего фразу: «Кровь – это жизнь». У меня пересохло в горле.

– Так вы говорите, здесь что-то нашли?

Уэйкфилд кивнул:

– Мы обнаружили, что много лет назад из стены был вынут кирпич, и в образовавшейся маленькой полости хранилось нечто... секретное.

– Что же? – спросил я, чувствуя странную дурноту.

Уэйкфилд повел рукой в сторону зарешеченного узкого окна, через которое в угрюмое помещение проникало немного света.

– Вот это. – Он опасливо указал пальцем, словно на некое ядовитое вещество.

Я увидел на окне коричневую тетрадь.

– Послание из прошлого, доктор Сьюворт. Вроде письма в бутылке, отправленного много лет назад.

– Чья это тетрадь?

– Думаю, вы знаете чья.

– Вы поэтому меня вызвали?

– Да.

– Понятно.

– Пожалуйста, вы должны... мы хотим, чтобы вы ее забрали.

Я медленно двинулся к окну. Приблизившись, увидел на обложке белую наклейку, пожелтевшую по краям. На ней чернилами, бисерным почерком были выведены слова: «Дневник Р. М. Ренфилда».

Не в силах ничего с собой поделаться, захваченный отбойным течением девятнадцатого века, я протянул руку и дотронулся до тетради. В тот же миг, совершенно неожиданно, снаружи грянул леденящий кровь шум: внезапная какофония звериных визгов и душераздирающих воплей. Казалось, будто все пациенты психиатрической лечебницы вдруг разом очнулись и теперь изливали в диких криках свой гнев, муку, отчаяние, свой ужас от понимания

полной беспросветности будущего. (Впрочем, впоследствии выяснилось, что нечто подобное, собственно, и произошло.)

Из личного дневника Мориса Халлама

30 ноября. В младенчестве ты не имеешь ни малейшего понятия о времени. Плывешь сквозь существование, точно герой волшебной сказки, где за один солнечный вечер проходят эоны и единственный томный взгляд длится тысячелетия.

Когда выходишь из отрочества и вступаешь в самую золотую пору жизни, время кажется уже не магическим, а просто очень, очень медленным – словно счастливая юность останется с тобой навсегда, вечный миг красоты и изящества. Но это иллюзия, и однажды время начинает убыстряться: сначала прибавляет шаг, потом удваивает скорость и наконец мчится вихрем к ждущей тебя могиле. Годы проносятся столь стремительно, что не успеваешь ни насладиться ими, ни оценить их разнообразие, а потом вдруг, без всякого предупреждения, в один прекрасный день ты просыпаешься и обнаруживаешь, что состарился.

Все это я излагаю здесь как для того, чтобы упорядочить свои мысли на сей счет, так и для того, чтобы исподволь подойти к рассказу о событиях, происшедших с моей последней записи.

Мне сказали, минуло одиннадцать дней, хотя у меня впечатление, будто многие месяцы пролетели за считанные секунды, настолько спуталась и смешалась в моей голове вся хронология. В памяти сплошные провалы, просто непроницаемая тьма, и все. Но означает ли это, что я находился без чувств или что мой мозг просто стер страшные воспоминания, щадя мой рассудок, – право, не знаю. При свете дня я склонен верить в первое. Однако с наступлением ночи именно второй вариант начинает казаться единственно достоверным объяснением событий.

Достаточно сказать, что я мало чего могу предложить потомкам в части воспоминаний о времени, проведенном нами в замке Дракулы. Последнее, что помню из нашей гибельной экспедиции, – это мучительно искаженное лицо Габриеля Шона с кровавой дырой на месте левого глаза и мои собственные истошные крики о пощаде. А до этого – только хаотичные образы и смутные проблески, как в разбитом калейдоскопе.

Всем сердцем надеюсь, что более ясные и отчетливые воспоминания о том периоде ко мне не вернутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.